

Сергей Долженко

Я буду тебе чужой

серия «Небесный дознаватель»

Сергей Долженко

**Я буду тебе чужой. серия
«Небесный дознаватель»**

«Издательские решения»

Долженко С.

Я буду тебе чужой. серия «Небесный дознаватель» /
С. Долженко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745160-8

Детектив Агентства по несчастным случаям Иван Шмыга в Москве. Он берет «под опеку», за солидные деньги, разумеется, молодую женщину, чей возлюбленный рано ушел в мир Иной. Ее сновидения полны «смертельными» образами, Знаки показывают, что над ней уже занесен топор невидимого палача. Откуда придет удар — от машины пьяного водителя или от ножа преступника?

ISBN 978-5-44-745160-8

© Долженко С.
© Издательские решения

Содержание

Сны, знаки, ночные видения...	6
Глава первая. Интимное дело	7
Глава вторая. Московский хищник	14
Глава третья. Незначительное происшествие	21
Глава четвертая. Обугленные письма	28
Глава пятая. Настоящий полковник	34
Глава шестая. Случайная помолвка	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Я буду тебе чужой
серия «Небесный дознаватель»
Сергей Долженко

© Сергей Долженко, 2016

ISBN 978-5-4474-5160-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сны, знаки, ночные видения...

Что стоит за житейскими драмами, уголовными преступлениями, несчастными случаями? Преступная воля человека, стечение обстоятельств, вина перед Богом или есть нечто иное, едва видимое, скрытое за грубой материальной оболочкой мира?

Такие вопросы задает себе каждый раз Иван Петрович Шмыга, бывший следователь прокуратуры, а ныне детектив по предотвращению несчастных случаев или «дознаватель небесной канцелярии», как он себя в шутку называет, берясь за новое дело в своей практике.

По множеству примет и на основании расшифровки снов клиентов Иван Петрович прогнозирует несчастные случаи и дает рекомендации по их предотвращению.

Его хлопоты сопряжены с таким смертельным риском, что он только чудом выходит живым из передраг, в которых оказывается, едва только занявшись обычным на первый взгляд делом.

Романы написаны в жанре детектива-расследования. Анализ происходящего и рассуждения о возможных «энергетических» причинах перемежаются все новыми неожиданными событиями, и появлением новых жертв. Все романы имеют эффект паззла, когда прихотливо разбросанные детали, эпизоды, образы в конце выстраиваются в стройную картину, где все взаимосвязано и взаимообусловлено не столько каузально-внешними причинами, сколько глубинно, на загадочном уровне Судьбы.

Уникальность серии «Небесный дознаватель» еще и в том, что напряженный детективный сюжет книга за книгой вводит читателя в таинственный мир сновидений, знаков (примет) и ночных видений.

Глава первая. Интимное дело

Поздним сентябрьским вечером в глубине Останкинского парка под желтым зонтом на летней площадке кафе сидели мужчина и женщина. Дрожали и перемигивались среди высоких молодых дубков гирлянды разноцветных лампочек – в их призрачном свете листья казались искусственными, декоративными, облитые лаком. От мангала под деревянным навесом растекался дразнящий запах шашлычного маринада, капающего на раскаленные угли.

Мужчина элегантно поднес женщине золотую зажигалку. Она прикурила, откинулась в кресле, опустив руку с сигаретой на подлокотник.

– Вы не курите?

– Бросил, – с видимым сожалением ответил тот, повертел зажигалку в руках, щелкнул крышкой и со вздохом положил в карман кожаной куртки. Он бы закурил сейчас, ох, как закурил, но тогда не удержаться, пойдет одна за другой. К тому же неловко просить же сигарету у дамы!

– Мы отвлеклись. Вы так и не сказали, чем киношный маньяк отличается от настоящего? – спросила она.

– Киношный, как правило, убивает всех подряд: разумеется, жертв, за которыми охотится с первого до последнего кадра, полицейских, которые ему мешают, случайных свидетелей и прохожих. Громоздит к радостному ужасу зрителей горы трупов... А нормальный, если можно применить такое словечко, обычный маньяк убивает только тех, кого хочет убить. Мечтает убивать девочек в белых гольфиках – значит, убивает девочек в белых гольфиках; молоденьких женщин в черных колготках, значит, охотится на женщин в черных колготках. Во времена римского цезариата существовали в периоды террора так называемые проскрипционные списки – списки неугодных цезарю лиц, которых каждый гражданин мог безбоязненно убить и получить за это награду. Так вот, каждый маньяк имеет свой проскрипционный список, в соответствии с которым он и работает. Поэтому все эти перестрелки с полицейскими, ловкость, с которой он орудует то ножом, то крупнокалиберным пулеметом – плод фантазии киношников. Бедный маньяк не знает, с какой стороны в пистолет обойма вставляется.

Мужчина снисходительно улыбнулся, словно для него вставлять обойму в пистолет является делом привычным и повседневным.

– Еще одно отличие – голливудский извращенец всегда убивает фантастическим, необыкновенным способом: то режет на кусочки бензопилой, то готовит из жертв изысканные блюда, то разбрасывает вокруг места преступления редчайших гигантских насекомых...

– А на самом деле?

– Просто убивает. Попадется ему в руки инструмент, вот он ходит с ним и убивает. Тупо. Сабля в доме хранилась, так рубит саблей. Женские колготки понравились, склонен к фетишизму – колготками душит. Кстати, предпочитают такие, какие одеты на ваши ножки.

– Да? – удивилась женщина. Посмотрела на свои колени, обтянутые стильными черными колготками. – Я как-то об этом не думала. Что мне теперь, ватные штанишки носить?

– Не надо! – поспешно возразил мужчина. – Прятать такую красоту – преступление.

– Спасибо, – она взглянула на него с интересом, и ее прехорошенькие губки тронула легкая улыбка. Женщина была красивой, всегда нравилась мужчинам, и об этом, по-видимому, знала давно, еще со школьной скамьи.

– Вина? – предложил он.

– Да, немного.

– Вряд ли здесь есть хорошее... То, что мы пили, судя по вкусу, сделано явно из порошка.

Она опять улыбнулась.

– Мне кажется, у вас будет время угостить меня хорошим. По вашему вкусу.

Мужчина поднимаясь, посмотрел на нее странным, задумчивым взглядом и направился к стойке бара.

Кто-то в белой рубашке рвался к музыкальному центру и пытался гнусавым голосом прокричать в микрофон караоке: «...ветер северный этапом из Твери...». Полная блондинка с ярко накрашенными губами оттаскивала певца, хлестала его по рукам, но угомонился он лишь когда принял из ее рук стаканчик водки. Затих, съёжился в кресле, продолжая бубнить под нос: «Кореша, кореша...»

Когда собеседник вернулся с графином вина и тарелочкой, на которой под большим салатным листом высилась горка жареного мяса, возле столика стоял здоровый раскрасневшийся парень в черной рубашке и потертых джинсах, и, склонив голову, что-то развязно спрашивал. Увидев мужчину, икнул:

– Можно вашу даму пригласить на танец?

– Нет, – спокойно сказал тот, присаживаясь.

Парень озадаченно выставился на него, но тон отказа был вежлив и в то же время крайне категоричен. Так отказывают люди, которые могут подтвердить свое слово решительным делом. Танцор замешкался, но, видимо, его ангел-хранитель рявкнул во всю глотку: «Не связываться!»

– Извините, – с гордым независимым видом бросил он и отправился назад, к своей компании, занимавшей в глубине площадки два сдвинутых вместе стола.

– Принимается, – кивнул равнодушно мужчина, положил на салфетку две вилки. – Угощайтесь.

– Спасибо, я избегаю на ночь мясного.

– Тогда, с вашего позволения, я поем.

– Вы так уверены в себе, как будто у вас черный пояс по карате или большой пистолет за пазухой.

Он бросил взгляд по сторонам, посмотрел на нее, и опять его глаза стали глубокими и задумчивыми.

– Два. Два черных пояса, и четыре пистолета системы «Макаров».

Женщина рассмеялась и пригубила бокал. «Да кто же он такой?» На вид не больше тридцати, хорошо одет... Вроде бы не производит впечатления атлета, но куртка обтягивает развитые плечи. Ведет себя уверенно, если не сказать больше. И дело даже не в спортивной фигуре, а чувствуется в нем сила, которой она никак не могла подобрать определение. Во всяком случае не со знаком минус, женщины это интуитивно ощущают сразу, с первого взгляда, с первого слова.

– И что с нашими маньяками? – Спросила она, закинув ногу на ногу, и забыв поправить юбку, которая нечаянно приоткрыла бедра чуточку выше, чем положено.

– Убивают чем ни попадя. И не обязательно зверствуют при этом. Один столичный доктор-гинеколог усыплял своих жертв смертельными инъекциями. Очень мило с его стороны. Уколы, и душа спокойно переносится в тот мир. Гуманно. А зверствами занимаются и вполне обычные душегубы. Один слесарь отрезал голову случайному знакомому и заспиртовал в трехлитровой кастрюльке. Хотел послать своему врагу. Другой дяденька крошил на кусочки друга и потом неделю ходил, разбрасывал эти кусочки по городу.

– Ужас какой!

– И еще одна разница, как говорят в Одессе: рядовой маньяк никогда не афиширует свою деятельность, не лезет в телекамеры, не шлет послания редакциям газет, не рвется

в эфир. И уж тем более не ввязывается в поединки с сотрудниками правоохранительных органов. Для него преступление – дело интимное, личное. Это чувство, которым он ни с кем не хочет делиться. Ведь мы же после чудесной ночи с любимой не пишем в газету, как нам было хорошо.

– Нет, – засмеялась женщина, – точно нет.

– Так и он, получил наслаждение и пошел на работу. Скажем, учить детей, развозить хлеб по магазинам и так далее.

– Вы милиционер? Я угадала?

Молодой человек с ироничной улыбкой постучал пальцем по наручным часам «Ролекс».

– Не угадали. Такие дорогие часы не по зарплате рядового опера. А на полковника я по возрасту не тяну.

– И к тому же приезжий. У нас в Москве милиционер не обязательно синоним слова нищий. Мой знакомый полковник ездит на работу на личной «бмв» седьмой модели.

– Наверное, в УБЭПЕ работает, или в главке, – вздохнул он. – Я смотрю по российскому каналу судебную хронику.

– Неважно. В общем, вы из этой системы. Иначе откуда столько знаете о маньяках?

– Чисто исследовательский интерес, – ушел от ответа загадочный незнакомец.

– Ни милиционер, ни следователь... Так вы ученый-криминолог?

– О! Почти в точку. Я долго думал, как назвать свою профессию, которой занимаюсь уже более пяти лет. И вот вы подсказали. Да, именно так, ученый. Только не теоретик, а практик, исследователь.

К стойке бара подошел молодой мужчина в джинсовой жилетке поверх серой рубашки. Распаренный, взмокший, точно за ним кто-то гнался по безлюдному этот час осеннему парку. Взял большой пластиковый стакан с пивом, присел неподалеку от них, бросил со стуком на соседнее кресло потертую кожаную папку. И тут же приложился к кружке. Смачно выпил половину, поставил аккуратно на столик и только сейчас перевел дух, бросив внимательный взгляд по сторонам.

– Напугали вы меня изрядно, но не объяснили что делать, чтобы избежать нападения таких субъектов.

– Есть правила элементарной безопасности, – равнодушно сказал собеседник. – Даже детей сейчас учат в школе не разговаривать с посторонними на улице, не соглашаться подвезти на машине, не заходить одному в лифт с неизвестным мужчиной и так далее. Взрослым советуют в позднее время суток держаться освещенной стороны, избегать темных безлюдных мест... Да, кстати, у меня случайно есть полный список этих советов.

Он достал из нагрудного кармана куртки сложенную вчетверо бумажку, развернул.

– Вот что советуют нам эксперты по безопасности. Одевайтесь проще, не ходите ночью, не ходите в одиночку. Выбирайте людные освещенные улицы. Опасайтесь даже невинных просьб. Обходите стороной других прохожих. Если подозрительный тип в разговоре с вами поднял руку, немедленно отклонитесь в сторону – для этого с самого начала держите ноги пошире и чуть согнутыми. В опасных местах переходите на бег заранее. Необходимо иметь при себе защитные приспособления: свисток, заточенную отвертку, свинцовый шарик граммов на пятьдесят, соль в коробочке, баллончик со слезоточивым газом...

– Хватит! – засмеялась она. – Я представила. Подбегает ко мне встрепанный дядя в тапках на босу ногу, спрашивает: «Где ближайшая аптека?», а я широко расставляю ноги, приседаю и выхватываю из сумочки заточенную отвертку.

– Зря смеетесь, – не смог удержаться от улыбки и специалист по маньякам, – эти советы писали ученые мужи в погонах. Ради нашей с вами безопасности. Но пользы от них! Хорошо не тот совет, который хорош, а тот, который выполним. Представьте себе, в вашем районе

появился серийный убийца. Вам иногда приходится возвращаться поздно вечером из театра, клуба, казино...

Выжидательная пауза.

– Приходится, – улыбнулась она.

– Вы ставите машину перед домом.

Опять пауза.

– Да.

– Заходите в подъезд. А это самое уязвимое место с точки зрения безопасности личности. Подсознательно расслабляешься, ведь почти дома...

– Но на двери кодовый замок.

– Ерунда! С нашим менталитетом кодовые замки в подъездных дверях спасают разве что от бомжей, да бесприютных наркоманов. И то, если они не проявят настойчивости. Вошли, и на лестничной площадке оказываетесь совершенно одна. Как бы ни был строг распорядок вашей жизни, как бы ни были вы защищены, иногда он вдруг нарушен и вот вы одна, и торопливый стук каблуков по пустой аллее, или тусклый свет лампы на безлюдной площадке перед вашей металлической дверью... ведь нанять вооруженное сопровождение на все случаи жизни не всем по карману.

– Если я не одна?

– Допустим. С другом, с которым вы познакомились поздним осенним вечером, случайно забредя в кафе. Он вам показался интересен, а дома – совершенное одиночество, лед простыней, осточертевший телевизор, на телефоне эсмэски от брошенного любовника, электронная почта забита спамом, и так надоели случайные виртуальные знакомства в чатах. Одни слова, бегущие по монитору, но ни одного нежного прикосновения...

– Мы говорим о маньяках, – напомнила женщина, вздрогнув.

– Простите, увлекся. Беда в другом. Большинство жертв серийных убийц нельзя упрекнуть в безрассудном поведении. И случайных знакомцев они домой не приводили. Жили так, как всегда, следуя привычной колее. И тем не менее. В одном из райцентров Воронежской области пятидесятилетний маньяк ворвался в дом, увидев в окне девочку-подростка. Вывез ее в лес на своем грузовике и... того, убил.

– Значит, виноваты родители, которые не сумели втолковать ребенку, что нельзя открывать посторонним. Да и девочка взросленькая, могла подумать о самой себе.

– Согласен, сама виновата. Надо подростку в жаркий летний день в родной деревне сидеть в избе с наглухо закрытыми окнами и дверьми. А что вы скажете о нашумевшем деле в Москве, когда молодой писатель-детективщик решил пережить то, что переживают убийцы при совершении своего злодеяния? Зашел в обычный пятиэтажный дом, в подъезде схватил маленькую девочку. Угрожая ножом, потребовал вызвать из соседней квартиры другую девочку, и попытался убить обеих. В этом случае что делать? Дверь на замке, в глазке видишь подружку, которая просит открыть... Или. Две девушки, две дачницы возвращаются домой из соседней деревни. Идут по тропинке через широкое открытое поле в пять утра. Рассвело. В этот час, по мнению криминологов, убийцы всех мастей дрыхнут без задних ног. И что? Тела девочек нашли в том же поле спустя несколько дней. Или. Мужчина с пятилетней дочкой приехал в пригород навестить свою маму. В три часа пополудни вышел подправить забор, и на свою беду сделал замечание бомжу, который остановился рядом справить нужду. Бомжом оказался серийный убийца. Прикончил и папу, и дочку, и бабушку. Да еще дом спалил.

– Убивают чем ни попадя, дома, на улице, ночью и среди бела дня... – терпеливо сказала женщина, хотя терпение никогда не входило в число ее достоинств. – Мне что делать? А вдруг я окажусь в чьем-то проскрипционном списке? Одеть ватные штаны и кирзачи,

и топать, смачно сплевывая семечную шелуху? Я слышала, таких, с позволения сказать, женщин не насилуют.

– Всяких насилуют, – невежливо оборвал собеседник, как будто имел в насилиях большой опыт. – Может, как раз в его список занесены не красивые леди, а женщины а ля трактористка Паша Ангелина.

– Выходит, полная безнадега? Судьба, рок, фатум?

– В пессимизм впадать не надо. Выпасть из поля зрения маньяков и тому подобных зверей можно. Непросто, но можно. Но для начала надо разобраться, кто такой среднестатистический серийный убийца? Многие специалисты в области судебной психиатрии пришли к выводу, что маньяк выглядит совершенно обыденно и в обычной жизни не вызывает чувство страха. Одни имеют либо прочные взаимоотношения с женщиной, либо женаты. Есть неудачники, и есть те, кто преуспевают в жизни. Есть выходцы из неблагополучных семей, некоторые подвергались сексуальному или физическому насилию; но среди них много и тех, кто воспитывался в нормальных семьях, без патологий. Есть хулиганы и психопаты, есть и очень чувствительные, застенчивые люди с богатым воображением. Имеется мнение, что серийные убийцы могут иметь некоторые нарушения в мозговых клетках в результате повреждения во время беременности, родовой травмы или повреждения головы, которые повлияли на их эмоциональные процессы и сделали их неспособными чувствовать сострадание или жалость к другим людям. Но это только мнение. В общем, если подытожить наблюдения, то приходим к заключению, что имеем дело с нормальным в принципе человеком, который страдает, впрочем, как и все мы, некоторыми отклонениями в психике. Но в отличие от нас вытворяет такие вещи, которые человеческим разумением не объяснить. Следовательно...

– Тупик, загадка?

– Следовательно, и надо подходить к этому, как к нечеловеческому. Попытка создать некий общий тип серийного убийцы провалилась. Ученые сошлись только в одном – что все они имеют некую «движущуюся силу», как определил доктор Майк Бери из Манчестера, который двадцать лет изучал этот контингент. Наши психиатры и психологи объясняют, что чудовищными поступками руководят в убийце некие психические автономные комплексы – АК. Скажем, тихому затюканному работнику является голос, приказывающий убивать; в прекрасном семьянине вдруг возникает неистовое желание к насилию над детьми, которому он не в силах сопротивляться, и тому подобное. Теперь замените слово АК на черта, беса, инопланетянина, вселившегося в разум – что изменится? Ничего. Суть останется одна – появляется некое чужое сознание, использующее в своих целях человеческий разум. И этот автономный комплекс, черт, бес, демон проявляют себя через человека. Вам какой термин больше нравится?

– Ну, пусть будет... автономный комплекс.

– Сокращенно АК, – усмехнулся незнакомец. – Как хотите. Мне нравится. Так вот, любой АК, как и любая упорядоченная структура, обладает некими параметрами, количественными и качественными характеристиками. Остановимся, скажем на одном – мощности. В электротехнике она равна произведению силы тока на напряжение. Чем выше напряжение и сила тока, тем больше мощность. Даже мощность лампочки карманного фонаря ощутима. А тепло человеческого тела вообще ощущается на расстоянии. Я подношу свою ладонь к вашей руке, но не касаюсь ее. Чувствуете?

– Да, – сказала она, чуть помедлив, и пожалела, что он не коснулся ее озябших пальцев.

– Представляете мощность АК, нацеленного на безжалостное уничтожение людей? Его присутствие ощутимо на расстоянии и проявляется видимо, грубо и зримо. Могут начаться проблемы с электричеством, например, погаснет свет в люстре...

Гирлянды вдруг беспорядочно замигали, и выключились. На секунду воцарилась крошечная тьма, в которой отчетливо громко и грубо слышались раздраженные голоса за сто-

ликом, за которым сидел танцор со своими друзьями... но гирлянды тут же вспыхнули и засияли прежним игривым светом.

– Фон негативной энергии резко повышается, рядом с вами начнут происходить ссоры, конфликты.

У стойки бара стеклянными брызгами разлетелась кружка, которую уронил седоватый мужчина в замшевой куртке. Он тут же повернулся к барьеру, как будто не хотел, чтобы кто-то разглядел его лицо. Полез в карман, достал бумажник... Но скандал все же случился, поскольку бармен – худощавый гордый кавказец – ни в какую не хотел убирать осколки.

– Люди здоровые, с нормально развитой системой безопасности, конечно же, чувствуют эти изменения и подсознательно стремятся избегать находиться с источником подобной энергии. Обычны объяснение такого рода «стало неудобно, как-то похолодало, что-то не по себе... вплоть до «мороз по коже пошел». Поэтому, места, где появляется АК, как правило, в это время становятся намного безлюднее, чем обычно.

– Хм, я сейчас чувствую холод, но ничего в этом нет нечеловеческого. Поздно, сентябрьские ночи прохладные. Да и не сказать, что в кафе народу меньше, чем обычного.

– Меньше, намного меньше! – перебил мужчина, и тут же досадливо поморщился, как будто проговорился. – Извините, я просто рассуждаю.

– Продолжайте, – простила она его.

– Мысль понятна. Когда мы будем точно знать, с каким объектом нам приходится иметь дело, тогда мы сможем принять меры для его обнаружения и задержания. А так, изучать личности маньяков – все равно что копаться в ворохе одежды, сброшенных с себя автономным комплексом. Что было одето на нем, чье лицо АК брал напрокат и чье возьмет в следующий раз... не имеет большого значения, – малопонятно, и больше для себя проговорил мужчина.

Встряхнулся, энергично хлопнул в ладоши.

– Что это я – все о своем, да о своем. Давайте выпьем! А потом позвольте пригласить вас на медленный танец.

Они выпили, он – залпом, она – едва пригубив бокал, и вышли на свободное место между столиками.

– Я об этом мечтал весь вечер, – прошептал он, робко коснувшись ее волос губами.

– Поэтому весь вечер запугивали меня до смерти, – рассмеялась она и положила руки ему на плечи. – Вам надо сменить амплуа. Редкую женщину можно соблазнить, рассказывая ей печальные истории.

Из колонок стереоаппаратуры лилось «Пускай все сон, пускай любовь – игра... На том и этом свете буду вспоминать я, как упоительны в России вечера!»

– Я как увидел вас, то ни минуты не сомневался том, что вы по-настоящему редкая женщина.

«Началось, – обреченно подумала она, – Они все говорят одно и то же». Но все же, помедлив, склонила голову на его плечо, – «Ну и пусть...»

Они танцевали, тесно соприкоснувшись друг с другом. Разноцветный туман лентой качался над ними, зарево над северо-востоком города блекло, на парковых дорожках гасли матовые шары фонарей, на листьях кустарников скапливалась темная роса...

Заиграло что-то бравурное, восточное, малопонятное.

– Мне пора, – вздохнула женщина и отстранилась. – Странно, я провела с вами два часа, а даже не знаю, как вас зовут, и вообще, кто вы такой?

Таинственный незнакомец вынул из нагрудного кармана визитку.

– Позвольте представиться...

Жуткий истерический женский крик прозвенел под шатром.

– Убийца! Я узнала его! Узнала!

Полетели на пол опрокинутые кресла вместе с отдыхающими гражданами, хлопнула разбитая бутылка; вокруг столика, за которым сидел пожилой дядька в сером пуловере, внезапно образовалось широкое пустое пространство. Он в страхе привстал, крутя круглой, коротко подстриженной седой головой в очках; перепрыгивая через барахтающиеся на полу тела, к нему разом устремились несколько мужчин с пистолетами, с напряженными и от этого очень серьезными лицами. Один из них резкой подсечкой срубил дядьку, тот вскинул руки и рухнул на выщербленные каменные плиты, остальные навалились на него... и спустя мгновение оказались на ногах, отряхивая брюки, перебрасываясь шуточками, рассовывая оружие по кобурам, и приподнимая седовласого за локти закованных в наручники рук.

Все это время знаток серийных убийц крепко держал свою очаровательную собеседницу, уткнувшуюся ему в грудь лицом. Потом нежно отстранил от себя, поскольку молодой парень в джинсовой безрукавке вежливо двинул его кожаной папкой в бок:

– Гражданин Шмыга, вы здесь по делу али как?

– Привет, Толич! Тебя сколько можно ждать? Я целую лекцию о маньяках успел прочитать, пока ты не появился.

Бывший старший следователь Заводской прокуратуры Нижневолжска, а ныне следователь по особо важным делам северо-восточного округа столицы Александр Анатольевич Зосимов важно ответил:

– Ты, Иван Петрович, я смотрю, даром время не терял.

– Да, познакомься пожалуйста, – повернулся кавалер к даме, которую целый вечер развлекал страшными сказками. Но той и след простыл.

– Блин, – разочарованно протянул гражданин Шмыга. – Из-за тебя потерял!

– Пошли, пошли, ты нам нужен. Понятым будешь. Это он? – кивнул он в сторону задержанного мужчины.

– Не знаю, – раздраженно ответил тот, раздосадованный исчезновением безупречно внимательной слушательницы. – Я лишь вывел тебя на место, где предположительно мог появиться Ботаник. Теперь твоя работа.

Глава вторая. Московский хищник

История с серийным убийцей, которого в оперативных документах окрестили Ботаником, началась в Москве еще в марте. Тогда на территории Ботанического сада Российской академии наук нашли труп молодой женщины. Он лежал неподалеку от пешеходной тропы в кустах можжевельника. Нижняя часть тела обнажена, на лицо наброшена газетка, на шее виднелась четкая странгуляционная борозда. Причина смерти – механическая асфиксия. Само орудие убийства – обрывок чистой бельевой веревки валялся рядом, на видном месте. Сумочка потерпевшей распотрошена, косметика и прочая мелочь разбросаны на талом снегу, но ни одного документа, ни одного предмета, по которому можно было быстро установить ее личность, не нашли. Как не нашли одежду, которую убийца снял с жертвы.

Оперативно-следственная группа на скорую руку «отработала» место происшествия, труп отправили неопознанным в морг. Люди из убойного отдела еще несколько дней посустились, без всякого результата опросив сотни возможных свидетелей; исписали десятки положенных бумаг, прокуратура провела пару совещаний, на котором милиционеры клялись, что будь у них бочка бензина на день, оклад в пару тысяч баксов, на каждого по ноутбуку, то они бы вмиг нашли убийцу...

Поскольку требования убийщиков оказались невыполнимыми, то возбужденное уголовное дело перешло в разряд надоедливых «глухарей», и его поручили недавно переведенному из Нижневолжска старшему следователю Зосимову, – пусть новичок столичную землю носом пороет. А для себя начальство мысленно отправило в архив «за невозможностью установить лицо, которому можно предъявить обвинение».

Но двумя неделями позже в Останкинском парке, ранним утром гуляющая мамаша с коляской в полусотне метров от главного входа за голубыми елочками увидела босые грязные ступни, торчащие из кустов. Сама, естественно, побоялась посмотреть, кому они принадлежали, и вызвала по сотовому телефону милицию. На этот раз личность потерпевшей установили сразу – двадцатидвухлетняя Оксана Мирошина, уроженка города Саратова. Жила в столице нелегально, работала официанткой в кафе «Жемчуг» в ИЧП некоего Казаряна. Оpoznать сразу удалось потому, что кафе находилось в том же парке. Правда, Казарян сначала пошел в «отказ». По существующим законам ему пришлось бы заплатить крупный штраф за прием мигрантов на работу, поэтому к нему пришлось применить легкое, «точечное», как сказали опера, воздействие, чтобы он признал в покойной свою сотрудницу, а как потом выяснилось, и любовницу. Поскольку убийство произошло под окнами бывшего дворца графа Шереметьева, ныне музея XVIII века, то вслед за арестованным владельцем «Жемчуга» в отдел доставили и двух охранников, дежуривших в ту ночь.

Несмотря на обилие подозреваемых, никому из задержанных предъявить обвинение не смогли. Девушку изнасиловали, задушили, и сняли с нее «юбку длинную серой ткани, полшерстяные колготки темного цвета, полусапожки черные на каблуке с искусственным мехом, трусики песочного цвета». По почерку убийство в парке сходилось с тем, что произошло ранее на территории Ботанического сада. Лицо официантки тоже прикрывал газетный лист. Охранники вызвали сильнейшее подозрение своими сбивчивыми и противоречивыми показаниями. Но затем под угрозой обвинения в двух умышленных убийствах признались, что в ту ночь развлекались в графской спальне с девушкой по имени Неля из агентства «Фабрика грез». Им было вовсе не до того, что происходило под окнами усадьбы распутного графа.

Казарян клялся мамой, что ему в голову не приходило убивать свою временную возлюбленную. Через два часа в отделение заявилось куча родственников, все, как один, гото-

вых выступить за него поручителями. Его задержали на двенадцать часов за административное нарушение, наложили на него крупный штраф и выпустили под подписку о невыезде, обязав являться на допросы по первому требованию.

Пришлось признать, что на территории Северо-Восточного округа столицы объявился новый серийный убийца, объединить два уголовных дела в одно и приступить к расследованию самым серьезным образом, невзирая на отсутствие бочки бензина и ноутбуков.

Две недели – самый большой перерыв, который допустил Ботаник. В апреле на территории Ботанического сада, в парке Лосиновый остров и в Сокольниках были найдены девять молодых женщин, умерщвленных аналогичным образом. Лишь одна жертва сумела вырваться из смертельных объятий душегуба, и со сломанной рукой выбралась на многолюдную аллею. После этого убийства прекратились, и возобновились лишь в конце августа. Тогда Зосимов и вызвал из Нижневолжска детектива по предотвращению несчастных случаев Ивана Петровича Шмыгу, с которым когда-то вместе работал в городской прокуратуре, пока последний не поменял профессию следователя на беспокойную и не вполне понятную рядовым гражданам профессию небесного дознавателя.

Дядька сидел за столиком, на котором оперативники разложили вещи, бывшие при нем. Кажется, он еще не пришел в себя после задержания, жалобно помаргивал и полусшепотом просил:

– Дайте, пожалуйста, очки. Я плохо вижу. Мои очки...

Кафе опустело в одно мгновение – женщину, кричавшую так страшно, двое оперов увели, посетители рассыпались в разные стороны, один бармен продолжал стоять обалдевший за своей стойкой. Хорошо, что опера успели в последний момент остановить парня с девушкой и почти вежливо принудили их исполнить гражданский долг в качестве понятых.

Зосимов аккуратно заполнял протокол досмотра:

– Ваш бумажник?

– Мой. Я хотел бы очки свои...

– Ты что занудил? – рявкнул капитан Тарасов из ГУВД. – На вопросы отвечай.

И со значением подвинул следователю мятые листы «Российской газеты». Бедолага пил томатный сок, когда на него набросились здоровенные мужики с пистолетами. Теперь алыми каплями были забрызганы и газета, и стол, и его брюки, даже на щеке виднелось красное пятно.

– Мой.

– Сколько денег там?

– Не помню. Рублей сто.

– Одной купюрой, несколькими? Верните ему, пожалуйста, очки.

Бумажник с мелочью, проездной метро на пять поездок – две использованы. Носовой платок, связка ключей с дешевым брелком в виде весело скалящего зубы черепа с выпуклыми слепыми глазницами, глянцевый календарик с видом на ночной Кремль за 2012 год, пенсионное удостоверение на имя Стешенко Григория Михайловича, 1958 года рождения, зарегистрированного по адресу улица Тимирязевская, дом 16, квартира 69. Все. Для ночного демона, наведшего ужас на два административных округа, маловато. Почти ничего.

– Кем работаете?

– На инвалидности.

Задержанный в криминальном плане внешне выглядел благополучно. Бывший монтажник телевизионного завода «Рубин», несколько лет назад получил вторую группу инвалидности по общему состоянию здоровья. Подрабатывает телемастером в мастерской по ремонту радиотехники, расположенной на улице Ковалихинской. С женой разведен лет десять, имеет взрослого сына. Состоит в гражданском браке с Софьей Павленко, медсестрой санчасти АЗЛК. Проживает с ней.

– Отработаем, конечно, по полной программе, – шепнул Зосимов, отводя Ивана Петровича в сторону. – Но... не уверен. Возможно, свидетельница ошиблась. В момент совершения преступления находилась в шоковом состоянии. По ее показаниям фоторобот не смогли составить. А тут «узнала»! Не верю. Отпускать народ пока не хочу. Нам еще три точки объехать надо.

– Наши люди с такими брелками не ходят, – сухо сказал Шмыга.

– Не понял.

– Людей, которые забывают классику, надо убивать на месте. Ты фильм «Бриллиантовая рука» помнишь?

– Помню. Только управдом сказала: «Наши люди в булочную на такси не ездят». Перестань говорить загадками. Мы здесь не кино снимаем, – нетерпеливо ответил Толич.

– Неважно. Именно по этим мелким незначительным деталям, управдом точно вычислила объект, с которым происходят неприятности.

– Если это Ботаник, то сегодня он вышел на охоту с пустыми руками. Ничего при нем нет.

– Людей отправил по адресу?

– Уже. Но если он действительно проживает с бабой, вряд ли он в квартире хранит улики.

– Слушай, я не собираюсь делать за тебя твою работу. Повод для задержания есть – на него указала потерпевшая. Работай!

Зосимов неопределенно пожал плечом, вернулся к столу, присел:

– Вы не слишком далеко от дома выбрали для себя место отдыха?

– А что, нельзя? – стал приходить в себя инвалид, и даже с чувством оскорбленного достоинства глянул на него.

– Можно. Но все же?

Шмыга подошел. Встал рядом, скрестив руки на груди.

– Поссорился с женой, – Стешенко быстро поправился, – с сожительницей. И пошел, куда глаза летят.

Зосимов повертел в руках проездной.

– А глаза глядели в парк «Измайлово». Там вам стало скучно, отправились в «Останкинский». Да вы просто большой любитель пленера.

– Чего? – не понял тот.

Шмыга наклонился к бывшему телемастеру, аккуратно снял с воротника его пуловера белую нитку, и приказал:

– Закатайте брюки.

Зосимов с недоумением повернулся к нему:

– Что?

– Брюки пусть подтянет.

Один из оперативников присел на колено перед дядькой, задрал ему одну штанину до колена, вторую. Отступил, понятые с непониманием переглянулись, милицейские подтянулись: лодыжка левой ноги была обвязана обрывком бельевой веревки. Лицо Стешенко посерело, на носу зависла крупная капля пота. Он медленно опустил голову.

– Ну, Александр Анатольевич, спокойной вам ночи! – весело сказал Иван Петрович. – Если ты, конечно, сегодня выспишься. Мне пора. Звони. Привет супруге.

Приезжий детектив снимал в Митино неподалеку от станции метро скромную однокомнатную квартирку в девятиэтажном доме с веселыми голубенькими панелями. На автобусе две остановки, но и напрямую через пару кварталов брежневских застройки Иван Петрович добирался минут за пятнадцать хорошего хода. В этот поздний час на муниципальный

транспорт надежды было мало, поэтому, выскочив из подземного перехода, решил пройтись пешком.

Набрал номер сотового жены:

– Аня, привет! Иду. Разогревай. Нет, я немного перекусил, но готов.

Щелкнув панелькой, убрал мобильник в карман. По застарелой привычке, прежде чем нырнуть в парковую аллею, которая вела в глубины жилых многоэтажек, неприметно оглянулся. И сразу же заметил высокого мужчину в коричневой кожаной длиннополой куртке, плотного в плечах, в кепке, низко надвинутой на глаза. Тот шагнул с тротуара и покачиваясь, двинулся вслед за детективом. Шел как-то странно, точно не совсем управлял собой, однако печатал шаги по асфальту, будто каменная статуя, сошедшая с пьедестала.

Но если и возникла мысль, что за ним прохожий, случайно идущий в том же направлении, то она вскоре исчезла, ибо каменный гость пересек за ним аллею, прошагал вслед за Иваном Петровичем обезлюдевшими дворами мимо домов с ярко освещенными окнами, и ступил на пустырь, разбитый под строительную площадку.

«И не такие уж глупости советуют нам ученые мужи в погонах. Зря смеялся. Свинцовый шарик мне бы сейчас ой как пригодился», – подумал детектив, незаметно охлопывая карманы. Из средств самообороны при нем находилась лишь увесистая связка ключей, которой умелый человек, наверное, мог бы разметать целую толпу хулиганов, как утверждают многочисленные пособия по самообороне. Но вот беда, сам Шмыга усиленно практиковался только в настольном теннисе, и то – в далекие студенческие годы. Поэтому счел благоразумнее замедлить шаг и пропустить настырного преследователя вперед, предосторожности ради свернув с тропы на некоторое расстояние и приостановившись.

Но статуя повторила за ним движение и если бы Иван Петрович не отпрыгнул в сторону, то с ходу протаранила его своим массивным корпусом. Промчавшись несколько метров и обдав тяжелой волной перегара, мужчина развернулся, выдавил из себя с большим трудом, но довольно отчетливо «Убью!», и вновь нацелился на него, не вынимая рук из карманов, точно намеревался убить Шмыгу самым собою.

Дальше началась глупая и нелепая схватка, какой даже в малобюджетном фильме не встретишь. Абсолютно невменяемый нападавший бежал на детектива, раскачиваясь из стороны в сторону, намереваясь, скорее всего, свалить ударом всего корпуса и растоптать ногами. Оторопевший детектив легко уклонялся и оказывался за его спиной; некоторое время стоял в растерянности, пока «носорог» с ревом выбирался из кустов и снова, брызгая слюной, топтал на него и... какая незадача, опять промахивался и с нечленораздельным матом то вламывался в кусты, то со страшным ударом врезался в металлическую сетку ограждения.

– Иван, ты где! – жалобно ныла в телефон Анечка. – А что рядом с тобой кричит? Ты что, в зоопарке?

Ивану Петровичу пришлось поспешить и разом окончить нелепый поединок, который, несмотря на явную комичность, вовсе не забавлял его. Когда в следующий раз оказался за спиной мертвецки пьяного «убийцы», резко присел и схватил за штанину у самых ботинок. Та же подножка, только гораздо эффективней. Каменный гость со всего маху грянулся оземь так, что выбил из-под себя клубы пыли, серебристой в свете далеких уличных фонарей.

Шмыга подождал, пока они развеются, подошел к великану, с трудом перевернул его на спину. Ощупал карманы, залез в нагрудный, вынул пластиковую карточку служебного удостоверения:

– Штеменко Анатолий Иванович. «Стройиндустрия». Машинист-экскаваторщик.

Засунул обратно, посидел задумчиво:

– Оранжевые игры закончились, а хохлы продолжают развлекаться...

Веки упавшего дрогнули, один глаз открылся, обнажив мутный с кровавыми прожилками белок:

– Я тебя убью, – четко выделяя слоги, просипел он. Смолк, глаз закрылся, из груди вырвался молодецкий, с победными переливами храп.

– Да, конечно, – кивнул Иван Петрович, приподнимаясь. – Потом. Когда проспишься.

Постоял в задумчивости. Случайность? Полчаса назад с его помощью задержали убийцу одиннадцати человек. Слишком близко по времени эти два факта стоят рядом, чтобы можно было говорить о случайности. Скорее всего остаточная реакция. В том, что хотел его убить сам некий Анатолий Иванович Штеменко, детектив сомневался. Сознание несчастного настолько отравлено алкоголем, что вряд ли он мог вообще чего-либо хотеть. Телом явно управлял кто-то другой, и этому другому Иван Петрович не нравился.

Поэтому остаток пути детектив проделал со всеми мерами предосторожностями, но без дальнейших приключений добрался до квартиры и пулей влетел, лязгнув за собой металлической дверью. Еще до того, как Аня вышла из комнаты, успел запереться в ванной и встал под горячий душ. Где-то он читал, что вода смывает не только пыль и усталость, но и отрицательные энергии. Может быть, вода – это всего лишь вода. Но Иван Петрович на этот раз мылся с таким наслаждением, точно смывал с себя что-то мерзкое, нехорошее, вроде налипшей болотной тины.

Разумеется, ничего о глупом и случайном инциденте не рассказал жене за поздним ужином. Анечка училась на третьем курсе Нижневолжской академии права, и вырвала два дня из студенческих хлопот, чтобы навестить мужа. Уезжала завтра, утренним поездом, поэтому торопливо перечисляла набор продуктов, который накупила для своего драгоценного супруга, словно оставляла его не в сытой обеспеченной столице, а где-нибудь за Полярным кругом на дрейфующей станции.

– Гречка, овсяная крупа, не дробленая, не забывай, это не двухминутка, варить надо дольше... морская капуста. Не храни долго в холодильнике – плесневеет. В морозилке найдешь полуфабрикаты, ими не увлекаться, старайся брать свежее, сейчас на рынках всего полно. Надо обеспечить себя витаминами на зиму.

– Сижу и думаю, как я мог прожить без тебя десять холостяцких лет! – с благодарностью говорил Иван Петрович, вытирая губы салфеткой и с сожалением оглядывая опустевший стол. – Кошмарные годы.

– Раньше у тебя не было такой ответственной задачи, как сейчас!

– Какой такой задачи? – насторожился он, как школьник, который вдруг услышал, что на выходные дают дополнительные задания.

– Ты ведь не только глава семейства, но и будущий отец моего, нашего ребенка. И до его рождения обязан поддерживать свое здоровье.

– Рождения? Ты хотела сказать – зачатия?

– Рождения – зачатия, какая разница! – подозрительно уклонилась Аня от прямого ответа. – Ты же в принципе не возражаешь?

– В принципе – нет, – с облегчением ответил будущий отец.

– Поэтому как получится, так и получится.

– Что значит «как получится»? Это дело на самотек пускать нельзя, – он все же ощутил укол легкого беспокойства. – Тебе надо закончить академию, реализовать себя на практике, стать настоящим юристом, как ты мечтаешь, а потом мы родим. Даже не одного.

– Сколько?

– Сколько захочешь, можно и... двух!

– Спасибо, Иван, – с плохой скрытой иронией поблагодарила Аня. Сложила в мойку посуду, вытерла стол. – Добрый ты сегодня. Сколько тебе лет будет, когда я стану настоящим юристом?

– Не знаю... – он сморщил лоб, словно простая арифметическая задачка на сложение вызвала у него неожиданное затруднение.

– Подскажу. В двадцать четыре окончу академию, минимум шесть лет работы... Тебе стукнет сорок, мой милый.

– Хороший возраст. Солидный, ответственный. Тебе – тридцать. Возраст...

– Тоже – солидный и ответственный. Сам рожай в тридцать!

На этом вся рассудительность молодой двадцатилетней женщины, будущего правоведа, закончилась! И супругу приходилось тщательно подбирать слова, дабы не получить кухонным полотенцем по голове – да, она и на это была способна, – или, что гораздо хуже, не утонуть в потоке горячих слез.

Не надо думать, что это их первый разговор на беспокойную и крайне деликатную тему. Женился Иван Петрович два года назад и очень удачно. Красавица, единственная дочь миллионера, владельца Нижневолжского завода шампанских вин, и выбравшая ту стезю, которой шел в самом начале и сам Шмыга. Правда, мечтала она не о расследовании загадочных убийств, а, располагая более трезвым и прагматическим характером (вся в папочку) хотела работать в отделе по общему надзору – приглядывать за состоянием законности в сфере капиталистической экономики. С такой практикой можно в конце концов сделать блистательную карьеру юриста в крупной промышленной компании.

Мечты сладкие, сулили роскошную и безбедную жизнь, с квартиркой на Кутузовском проспекте и дачей на Майорке. Но в последнее время совершенно несвойственные для карьериста нотки начали проскальзывать в ее речах. Она с завистью рассказывала о подругах, которые раскатывали с колясками в парке; пару раз из-под ее подушки Иван извлекал толстые глянцевого журналы «Мой ребенок»; она как-то по особому вздыхала, видя в телевизионных рекламных роликах розовомордых упитанных младенцев с непропорционально большой головой, маленькими ручками и ножками. Да, вот еще – однажды при нем в аптеке поинтересовалась, сколько стоит пачка памперсов!

Московская квартира на Кутузовском начинала таять, приобретая полупрозрачные очертания, особнячок на испанском берегу Атлантического океана тоже затрепетал, как рисунок на оконных занавесках, колышущихся от ветра. Ибо какая карьера, и, соответственно, какие деньги, когда она уйдет в материнские заботы! Кормления, гуляния, детский сад, школа... Иван Петрович искренне удивлялся, как его родители могли по доброй воле взять на себя такой тяжкий труд, неоплачиваемый ни государством, ни частными лицами! Он часами объяснял Ане, что дети должны рождаться от избытка материальных благ и в свободное от работы время. Лучше, когда они выйдут на пенсию и будет уйма времени.

– Ты что, придурок?! – хохотала она в слезах. – Бабушки не рожают!

– Да, с пенсией явно перехлестнул, – вынужден был согласиться Шмыга. – Ну, тогда давай пораньше сделаем свои дела, и ты займешься дитем.

– Пораньше – когда?

– Ну, там, не в пятьдесят лет, а, скажем, в сорок. В сорок можно родить?

Нет, оказалось, что сорокалетние рожают в исключительных случаях. И рожать женщине лучше не в тридцать пять, не в тридцать, а до тридцати.

– Надо же! – не смог сдержаться Иван Петрович от удивления. – На вид вы и в сорок прекрасно выглядите. Выходит, это только снаружи...

Впрочем, наступала очередная сессия, будущий правоведа закапывалась в ворох законодательных актов, и разговор о беременности откладывался на неопределенный срок. Потом этот срок заканчивался, и Шмыге вновь приходилось, как сейчас, выслушивать аргументы «за» и приводить аргументы «против».

– Договорились! – неожиданно воскликнул он, присел перед ней, поцеловал ее прекрасные пальчики, и сжал бедра под скользящей тканью халата.

– Seriously? – спросила она и черные брови ее сложились домиком. Зрачки расширились, словно у кошки, учуявшей мышь. Кончиком языка она облизнула пересохшие от волнения губы.

– Да. Будем делать ребенка!

– Ты... согласен?!

– Конечно, родная! Я знал, что рано или поздно все этим закончится. Это прекрасно, это вполне естественное желание молодой красивой, такой волнующе соблазнительной женщины, что я – готов. Но ты понимаешь, насколько это все серьезно?

– Да! – Она сползла со стула, торопливо поцеловала его, обняла. – Милый мой, хороший. Ты не беспокойся. Я все узнала, купила кучу журналов, нашла такие хорошие сайты в Интернете... Я легко рожу, несмотря на то, что бедра узкие. У моей мамы тоже узкие, но рожала она легко. А это свойство передается по наследству. И я должна родить легко.

– Нет, я не об этом, – слегка отстранился муж. – Дело серьезное, готовиться к нему надо долго, ответственно. Вначале потренироваться...

– Как это?

– Сейчас покажу. Надо лечь на диван, занять исходную позицию...

– Ах ты... – она не успела продолжить, поскольку Шмыга схватил ее в охапку и потащил в комнату. Уложил на постель, несмотря на то, что она отчаянно сопротивлялась. И только занял исходную позицию... как Аня расслабилась и шепнула ему:

– погоди ты! Какая-то однообразная тренировка у нас.

– Ну, я как-то смотрел эротическую галерею в Интернете, – смущенно признался Иван Петрович и покраснел. – Там есть очень интересные находки. И мы можем попробовать.

– У меня есть идея получше. Дети – это ответственность, да? Надо уметь ухаживать за ними, так?

– И?

– И я тебе приготовила, так сказать, небольшое пособие по обращению с маленькими детьми.

Аня резво вскочила, забралась куда-то под шкаф и вернулась с картонной коробкой из-под обуви. Все еще не понимая, Иван Петрович с любопытством смотрел, как ловкие пальчики жены приподнимают крышку, вытаскивают крохотное шерстяное одеяльце... и спустя секунду на ее коленях оказался маленький клубок белой шерсти. Клубок зевнул, показав алый ротик с миниатюрным язычком, заворочался и превратился в...

– Что это? – с ужасом подскочил муж.

– Котик. Настоящий зарубежный сиам. Но ты не бойся, он уже все ест.

Иностранец сказал: «Мяу», и встал на дрожащие тонкие ножки.

– Так ты такое количество продуктов для него накупила?

Аня поцеловала маленького сиам в носик, тот фыркнул, лизнул ее. И в сердце ошеломленного детектива на много лет поселилась жуткая ревность, которой он не знал до этого момента.

– Знакомься, это – Буч.

– Здравсьте, – криво улыбнулся Шмыга. – А как же тренировка?

– Ну, разве можно при маленьких детях заниматься любовью! И потом, нам завтра рано вставать. Ложись. Мне надо его покормить.

Она ушла с «учебным пособием» на кухню. Иван Петрович лег и подумал, что теперь знает точно, почему он не любит маленьких детей.

Глава третья. Незначительное происшествие

Проводив жену, Иван Петрович с Курского вокзала поехал в офис. Почти в самом центре Москвы на улице Большая Ордынка в глубине небольшого сквера перед круглой клумбой с ярко цветущими георгинами стоял двухэтажный дворянский особняк. Первый этаж арендовало охранное предприятие «Эскалибур», а на втором узкие комнаты заполняли фирмы самого разнообразного профиля. Тут тебе и изготовление металлических дверей любых степеней защиты, и турагентство, и астрологический салон «Созвездие», и даже бюро знакомств. В последнем хлопотливые функции московской свахи выполнял компьютер, а две предприимчивые сестренки, симпатичные блондинки Лиза и Луиза, изнывали от безделья. К ним Иван Петрович забежал на чашку чая, в то время, пока его кабинет трое угрюмых рабочих отделявали под «евро».

Вначале сестренки попытались женить нового соседа. Узнав, что женат, ничуть не смутились, предложили поменять русскую жену на европейскую или американку. Иван Петрович отказал в не столь категоричной форме, и даже из чистого любопытства просмотрел электронный каталог зарубежных невест, скорее всего составленный из фоток, скаченных из Интернета. Невесты – полногрудые добродушные тетки с ослепительным улыбкам демонстрировали прекрасные достижения западных стоматологов; все, как одна, обожали пет – домашних питомцев, любили shopping и traveling, то есть бегать по магазинам и перемещаться по странам в битком набитых туристических автобусах, и мечтали о большой и чистой любви – dream to love. К беготне по маркетам Иван Петрович относился как к тяжкому долгу, к путешествиям, после недавнего круиза по северу Нижневолжской области, и вовсе отрицательно. Ну, а как он относился к домашним питомцам, говорить не стоит.

Несмотря на неудачную попытку сватовства, Шмыга остался с Лизалуизами в добрых соседских отношениях, поскольку они быстро сошлись на том, что «любовь – это вечная тайна... узы брака вяжутся на Небесах... лишь вместе мужчина и женщина могут достичь духовной гармонии», а когда детектив упомянул о карме и реинкарнации, то сестренки переглянулись и предложили «продвинутому» соседу особый чай, заваренных на лепестках лотоса, распустившегося в полнолуние.

Московская фирма, владельцем которой являлся бывший старший следователь прокуратуры города Нижневолжска имела сейчас в аббревиатуре всего три буквы АНС, и обладала довольно долгой и драматической историей. В самом конце прошлого века стараниями блестящего следователя, полковника юстиции Арсения Павловича Сибирева было создано Российское агентство по предотвращению несчастных случаев с центром в Москве и двадцатью филиалами в крупных провинциальных городах.

Теоретической основой для деятельности детективов служила фраза писателя Булгакова о том, что кирпич на голову никому случайно не падает. Практической же – уникальная методика группы ученых, которая позволяла спрогнозировать несчастный случай еще до того, когда он в реальности произойдет. Неважно, будет ли это столкновение с автомобилем, тяжелое заболевание, супружеская измена, бандитский налет и т. д. Под несчастными случаями в РАНСе понимали буквально все негативные ситуации, которые осложняли жизнь современного человека и начинались словами «вдруг, внезапно, случайно, неожиданно...»

Появилась богатая клиентура, со всех концов страны от филиалов в Москву потекли ручейки бесценного опыта. Но при проведении учеными РАНСа секретного эксперимента в автокатастрофе погибло все руководство, филиалы были закрыты, а директор нижневолжского Иван Петрович Шмыга оказался на улице. Однако в прокуратуру не вернулся, основал гадательный салон «Мадам Фуше», под прикрытием которого и продолжил дерзкий, казавшийся многим безумным, проект покойного наставника.

В конце лета текущего года Иван Петрович решился начать московскую карьеру, располагая не только финансовой поддержкой богатого тестя, но и солидным опытом успешных расследований, которые предотвратили гибель не одного человека (и даже, как поговаривали осведомленные люди, однажды детектив спас от покушения президента России во время его визита на знаменитую нижеволжскую ярмарку).

Обзаведясь московскими офисом и квартирой, Шмыга разместил две строки в «Рекламном вестнике» следующего содержания: «Прогнозирование несчастных случаев. Консультации. Дорого. Конфиденциальность гарантируется». Строчки вышли гениальными, однако эффекта не дали. Два дня подряд звонил глуховатый пенсионер, который хотел, чтобы детектив помог ему выбить из ЖЭКа деньги на лечение вывихнутой во дворе лодыжки. Одна дама таинственным шепотом поинтересовалась, шаман ли он, и получив отрицательный ответ, спросила, может ли он порекомендовать ей настоящего тувинского шамана. Другая дама деловито поинтересовалась, по какому зодиакальному календарю он делает прогнозы, европейскому или восточному; пожаловалась, что никак не может найти специалиста по галльскому, поскольку позиционирует себя чистой липой...

Иван Петрович ошалело крутил головой. Народ в Нижневолжске был проще. «У нас бы сразу сказали – эх, какой я дуб! Или – пенек я осиновый! А в столице «позиционируют...»

Телефон еще несколько дней изредка вздрагивал от звонков, а потом стих... Рекламная компания провалилась. Поэтому, покончив с маньяками, директор экзотического агентства решил вплотную заняться собственным бизнесом. Серийных убийц и в Нижневолжске хватает. Далеко ездить не надо. Иначе вылетит он из Москвы, и папа, Анечкин отец, будет долго и безуспешно интересоваться, куда зятек растратил его денежки...

Шмыга взбежал на второй этаж, подошел к своей кабинету и... замер, озадаченный: сквозь щель в неплотно прикрытой двери на ковровое покрытие ложилась тонкая полоска солнечного света. Это еще что за фокус? Кому понадобилась проникать в офис малопонятной по названию фирмы? Посторонних в здании в принципе быть не должно, ибо в вестибюле круглосуточно дежурят охранники «Эскалибура», и налетчикам сначала пришлось бы столкнуться с ними.

«Бред! – остановил Шмыга себя. – Какие могут быть налетчики, когда он в Москве всего лишь месяц и никому не успел перейти дорогу!»

Однако вчерашнее ночное нападение сделало его мнительным. Детектив широко распахнул дверь, прижался к стене и лишь потом заглянул в кабинет с такой предосторожностью, точно ожидал выстрела в упор.

На гостевом диване скромно сидела молодая женщина в красном приталенном костюме и перелистывала тонкий глянцевого журнала. Она обернулась, Иван Петрович, не веря своим глазам, растерянно пробормотал:

– Здравствуйте!

Перед ним находилась вчерашняя незнакомка, с которой он прошлый вечер «развлекался» в Останкинском парке!

Она улыбнулась.

– Вы всегда таким странным образом входите в помещение?

– Нет, не всегда, – смущенно сказал детектив, оправил на себе пиджак, и с независимым видом прошел к своему месту во главе стола. – Как вы сюда попали?

– Дверь не заперта. Я подумала, вы отлучились на минуту.

Все еще сомневаясь в том, что мог оставить кабинет незапертым, Иван Петрович прошел к сейфу, открыл, проверил содержимое, тщательно осмотрелся. Все на месте. Как сдвинул в сторону стакан с чаем, так он и стоит рядом с книжкой «Эффективность рекламы в средствах массовой информации». С открытой верхней полки шкафа «стэнли» свисает

пластиковый пакет с постельным бельем... ну, да, спешил. Толич позвонил в пять из машины и пришлось бежать, как пацан, перепрыгивая через две ступеньки, ибо могли упустить Ботаника! Выдвинул ящики стола... но в них кроме пачки чистой бумаги для принтера, никогда ничего и не лежало.

Несколько успокоившись, взглянул на прекрасную посетительницу, которая с откровенным любопытством наблюдала за ним, и ворчливо спросил:

– Итак, что вас привело ко мне? Не думаю, что вы на самом деле заинтересовались рассказом о специфике розыска серийных убийц.

– Нет, конечно, – сказала она, положив рядом с собою журнал. – Я, как обычная женщина, все о себе, любимой, беспокоюсь.

– Хорошо, что беспокоитесь... Прошу прощения, нам вчера помешали и мы не успели представиться друг другу. Иван Петрович Шмыга, детектив по несчастным случаям.

– Наталья Сергеевна Снегирева, – церемонно ответила посетительница. – Free lancer.

– Do you speak English? – с непередаваемо варварским акцентом спросил детектив, которому кто-то однажды по пьяной лавочке сказал, что у него чистейшее йоркширское произношение.

– Плохо. Читаю лучше. Free lancer – по-русски значит «свободный художник». Перевожу статьи для наших дамских журналов. Но какой-то определенной профессией пока не связана.

– Прекрасно! – воскликнул Иван Петрович. – Когда-нибудь, я надеюсь, тоже буду обеспечен настолько, что стану фри лансером.

– А как вашу должность перевести на нормальный язык? Чем занимается АНС?

Она глянула на визитку, которая вчера все-таки осталась в ее цепких пальчиках.

«Странно, – отметил Иван Петрович. – Мы приходим к неизвестному специалисту, мы даже не знаем, чем именно он может помочь... но приходим с раннего утра».

Это была первая странность, которая если бы сразу насторожила детектива, то помогла избежать многих будущих неприятностей... Но эту странность Иван Петрович пока что истолковал в свою пользу.

«Я определенно понравился ей, – подумал он, располагаясь в кресле. – Не так уж и много в этой Москве симпатичных, незаурядных, широко образованных молодых людей, способных тронуть сердце избалованной светской дамы!»

Детектив вряд ли бы смог объяснить, почему он решил, что если женщина молода, хороша собой и живет в столице, то она непременно светская и непременно избалованная?

Об этом он не думал. У него тут же возникла надежда угостить Снегиреву бокалом хорошего вина в ресторанчике, что находился напротив их особняка. Разумеется, как человек женатый и горячо любящий свою жену, Иван Петрович ни в коем случае не пошел бы на легкую интрижку или, тем более, на любовную связь с московской штучкой. Ни за что! Просто, хотел знать, из чисто мужского любопытства, какое впечатление, он, глубокий провинциал, производит на столичных дам времен расцвета олигархии.

– Наше агентство, основанное с 1998 года, занимается прогнозированием несчастных случаев на основе тщательного изучения биографии клиента...

Иван Петрович не был уверен в том, что очаровательной Наталье Сергеевне требуется его помощь. Слишком безмятежно сияли ее карие глаза под длинными густыми ресницами; губы, верхняя чуточку вздернута, нижняя – полная, были пунцовыми от чистой здоровой крови. От нее веяло сытостью, довольством ухоженной женщины в самом цветущем возрасте.

– ... анализируем негативные обстоятельства, присутствующие в жизни человека, и выдаем рекомендации, как эти обстоятельства можно в дальнейшем избежать.

– Чем только люди себе на жизнь не зарабатывают! И что, ваши рекомендации помогают?

– Когда как, – честно сказал детектив. – Наши рекомендации, как лекарство. Одни регулярно принимают их, и тем самым избегают заболеваний. Другие пренебрегают, потерпевшись к недугу и полагая, что их мучительное существование и есть то, что называется жизнью. Третьим лечиться поздно, они проиграли и жизнь, и здоровье, им остается лишь думать о своей бессмертной душе.

– Ну, допустим, я решила обратиться к вам за помощью, потому что меня беспокоит будущее одного человека. Что вы станете делать в моем случае?

– Одного человека... – разочарованно протянул Иван.

Надежда на бокал хорошего вина в приватной атмосфере элитного ресторанчика испарилась. Уныние на миг овладело им, но он справился, подтянулся, взял в руки перламутровый «паркер» с золотым пером, покрутил в пальцах, отложил в сторону, и перешел на деловой тон:

– Как обычно. Вначале подпишем договор. Внесете в кассу агентства аванс. Сразу хочу предупредить – услуга недешевая. Затем мы начнем работать с тем человеком, за жизнь которого вы опасаетесь. Попробуем выявить его предрасположенность к так называемой «случайной» смерти. Большие неприятности начинаются с маленьких. Мелкая бытовая травма – порезали руку, обожглись, внезапно сломался новенький телевизор, стукнули машину в автомобильной пробке, несильно, но ремонт в копейчку обошелся, потеряли любимую золотую цепочку, собачка чумкой заболела... Иногда эти досадные мелочи ничего не означают. Так, фон нашей текущей беспокойной жизни. Но если они происходят раз за разом, с пугающей регулярностью – это может свидетельствовать о нарастающей угрозе жизни или здоровью.

Снегирева озадаченно посмотрела на него.

– Странно, почти все, что вы перечислили, не так давно случилось в моей жизни. Правда, потеряла не цепочку, а мамин перстень. И машину недавно стукнула, и Джулька умерла, бедняжка... это мой фокстерьер.

– Так ваша собачка скончалась? Плохо. И как давно?

– Не понимаю, причем здесь моя бедная собачка? – В голосе Снегиревой появилось легкое раздражение. – Повела Джульку в наш загаженный парк, где она подцепила какую-то инфекцию.

– Собачка не при чем. Мелкие неприятности иногда оказываются предвестниками больших. Помните, на вашем пути препятствий нет. Но как только вы сходите с него, то сразу начинаются мучения – то ветка по лицу хлестнет, то за корягу зацепишься, то крапивой обожжешься. А уж если забредете в самую чащу или ступите на болотистую почву...

– Ой, я не разбираюсь в философии. Дорога... какая, куда? Что значит «правильный путь», что значит «неправильный»? Да кто вообще может знать о том, кто я и куда иду? Так что оставим общие фразы. Как конкретно вы собираетесь разбираться?

Шмыга нетерпеливо заерзал в кресле. Практик до мозга костей, он не был силен в теоретических построениях.

– Я же вам сказал, смерть домашнего любимца сама по себе ничего не значит. Но, в купе с другими обстоятельствами, может явиться знаком, предвестником наступления трагических событий в вашей жизни. Большую помощь оказывает анализ сновидений. Конкретных методов много, все так сразу не перечислишь.

– Ах, так вы еще и сны толкуете? – с нескрываемой иронией переспросила она. – Кажется, я начинаю понимать. А карму вы не диагностируете?

– Нет, – простодушно ответил Шмыга.

– Простите, сколько стоит такое «разбирательство»?

Наступил самый щекотливый момент. Владелец АНС всегда ненавидел этот, казалось, простенький и естественный вопрос. Какую бы цифру он не назвал, к какому бы соглашению не пришел, всегда после этого впадал в расстройство. Иногда пустяковое дело оборачивалось таким риском для жизни, сам бы заплатил миллион, чтобы избавиться от него.

– Сам анализ недорого. Порядка пятисот-семисот долларов. Договор о сопровождении на месяц стоит тысячу пятьсот.

– Я плачу вам пятьсот долларов, и вы по всяким мелочам, вроде разбитого бампера моего «Ситроена», сгоревшей кофеварки, напишите мне рекомендации, в которых укажете источник будущей опасности?

– Можно и так сказать, – мрачно ответил детектив. Настроение испортилось. Он понял, что над ним смеются.

И правильно понял.

Презрительная усмешка скривила хорошенькие губки Натальи Сергеевны:

– Вчера лампочка ночника в моей спальне лопнула. Осколками постель забрызгало. По-вашему, это что-то значит? Должно быть, что-то страшное, да? Вы мне растолкуете это зловещее знамение?

Она поднялась, оправила пиджак.

– Я поняла. Очередная конторка, берущая деньги с суеверных и мнительных граждан. Бедная Москва. Вы случайно не из Украины?

– Нет, из Нижневолжска, – поднялся и насупившийся Иван Петрович.

– Бог, ты мой, откуда только не понаехали! Бедненький мальчик, вы столкнетесь с такой конкуренцией. Толкование снов, примет... у нас этого хватает.

Иван Петрович был уничтожен. Впрочем, не в первый раз. Он покраснел:

– Вы даже меня толком не выслушали. Приметы не при чем. Мнительность тоже. Знаки, как явления, никоим образом не связаны с вашей психикой, то есть желаниями, мечтами, предчувствием, настроением и эмоциями. У них только одна зависимость – от характера происходящих или надвигающихся на вас событий. Вам навстречу летит бабочка, у нее узор на крыльях тот, который ей дан от рождения. Он не зависит ни от свойств вашего внимания, ни от настроения, с которым вы на него смотрите.

– Бабочка... Как поэтично звучит! Я не сомневаюсь, что если вас послушать еще полчаса, то рука сама потянется к чековой книжке. Хм, это может пойти при соответствующей подаче.

– Мы говорили с вами пять минут, и этого достаточно, чтобы понять...

– Что моя жизнь в опасности? Разумеется, что может заставить клиента немедленно кинуться за деньгами? Правильно! Чувство, что его жизнь находится в страшной опасности. Вы сами верите в то, что вы несете?

– Почему вы меня все время перебиваете? – кротко спросил взмокший Иван Петрович. – Есть уникальная методика, которая не является моим изобретением. Поверьте, сам я ничего не выдумывал.

– Ах, методика! Уникальная? Тяжелый случай, – вздохнула Снегирева. – Сначала я подумала, что вы просто мошенник. Сейчас, даже не думаю, а знаю, что вам надо к психиатру. С легких параноидальных маний иногда начинаются серьезные заболевания. Поэтому, чем раньше вы обратитесь к врачу, тем будет для вас лучше. Сейчас обследование можно пройти анонимно.

– Это оскорбление?

– Нет, совет от всего сердца. Извините, что заняла ваше время. Всего доброго. Скажу на прощание – рассказывайте лучше байки о маньяках, это вам больше идет.

Шмыга холодно и надменно улыбнулся, распахнул дверь:

– До свидания.

– Будьте здоровы!

Снегирева, гордо стуча каблучками, пошла по коридору.

– Не туда. Вам направо и вниз!

– Разберусь как-нибудь! – бросила через плечо.

Развернулась.

– И вниз! Какая же вы упрямая! Позвольте, я вам покажу.

Шмыга бросился вперед, открыл перед ней стеклянные створки на первый этаж.

– Сюда!

Но не успел зайти в свой кабинет, как вновь услышал ее запыхавшийся голос.

– Эй, вы! Как вас там, господин оракул! Разберитесь с вашей охраной, с меня пропуск требуют!

– Это не моя охрана. И пропуск ей не нужен.

Но заминка перед турникетом в вестибюле и вправду случилась. Туповатый молодой человек в синей униформе, видимо дежуривший впервой, долго не мог понять, что кроме его доблестной военизированной фирмы есть и обычные мирные организации, разместившиеся на втором этаже. Появился старший, отвел его в сторонку, и Шмыга смог вывести вконец взбешенную Снегиреву.

– Что вы за мной идете?

– Я провожу вас. Не исключено, что и ворота перед вами запрут.

– Какая заботливость...

Вышли на тротуар.

– Вчера вы мне показались скромной и уравновешенной, – заметил он.

– Вы мне вчера тоже казались здоровым. Хотя я должна была сразу заподозрить по разговорчикам – демоны, отрицательные энергии...

– До свидания!

Она торопливо рылась в сумочке:

– Постойте! Не дай Бог, забыла в вашей лавочке ключи от машины. Нашла. Идите!

Но вместо того, чтобы сделать шаг назад и скрыться за ажурным частоколом ворот, Иван Петрович рванулся к ней, схватил за плечи, грубо, жестко, и прижал к себе. Глаза Натальи Сергеевны округлились, и, может быть, она в следующую секунду либо закричала, либо ударила нахала, но среди оживленной улицы под ослепительно ясным сентябрьским солнцем, перекрывая гул уличного движения, раздался звук, похожий на грохот разорвавшегося снаряда. Визг тормозов, скрежет удара и столб искрящихся радугой стеклянных осколков осыпал их обоих.

– Что это? – шепнула она, боясь обернуться и не замечая, что теперь она крепко держит его в объятиях.

– Ничего особенного, – хладнокровно ответил детектив. – Небольшое происшествие.

Происшествие и в самом деле оказалось незначительным. Над козырьком летнего пристроя к ресторану, в котором Шмыга мечтал угостить столичную даму бокалом хорошего красного вина, устанавливали длинную, в несколько метров, рекламную вывеску. Один конец оборвался и ударил в лобовое стекло проезжавшего мимо красного «Опеля». Водитель, худощавый мальчик в черном костюмчике, сейчас ошалело стоял рядом с покалеченной машиной, и пытался носовым платком оттереть кровь с порезанного лица, но только размазывал по лбу и щекам красные полосы.

– Моя машина! – закричала Снегирева и бросилась к салатного цвета «Ситроену», припаркованному к обочине. Крышу и капот его покрывали кристаллики разбитого автомобильного стекла, но видимых повреждений не было.

– Что вы стоите столбом, помогите же!

Вынула из багажника щетку, кинула ему, сама бархоткой принялась сметать осколки.

«Вот что делает с людьми собственность! Хорошо, что мы с Анечкой так и не купили «бмв», – подумал он, но покорно принялся за работу.

– Я настоятельно рекомендую вам отказаться от поездки на машине, – счел своим долгом заметить директор агентства по предотвращению несчастных случаев, когда Наталья Сергеевна выхватила у него из рук щетку и, буркнув «Спасибо», села на водительское место. – Прогуляйтесь до метро пешком. На улице отличная погода.

– Я не девочка, чтобы меня можно запугать вашими сказками, – процедила она, вставляя в замок ключ зажигания.

– Прошу вас очень серьезно отнестись к моим словам!

Но боковое тонированное стекло поползло вверх, Иван Петрович отступил от тронувшегося «Ситроена». Если на заре своей деятельности он поражался тому, с какой пренебрежительностью подчас люди относятся к своему здоровью, да и к самой жизни, то в настоящее время к этому относился гораздо спокойнее. Пожал плечами и буркнул:

– Поступайте, как знаете.

Глава четвертая. Обугленные письма

Всерьез заняться разработкой рекламной компании не удалось. Ввалился Зосимов с двумя бутылками пива и пакетиком сушеной рыбы. Бросил это богатство перед детективом и ухнул на диван, над которым еще не растаял туман от восхитительных духов Снегиревой.

– Ты знаешь, который час? – строго спросил Иван Петрович.

– Знаю. Начало одиннадцатого. А что? Почему бы с утра не угостить земляка и по совместительству гения сыска хорошим пивком? – невинно ответил вопросом Толич. Подскочил и сам взялся проворно откупоривать принесенные бутылки.

– Я возьму? – не дожидаясь ответа, стянул из-под локтя Шмыги листок с бумагой, на котором в соответствии с новейшими научными данными аккуратными прямоугольниками изображались блоки будущей пиар-компании. Бесцеремонно высыпал на него из пакета коричневые жгуты. – Угощайся! Копченая лососина. Последний писк! Доступно только столичному бомонду.

Если бы не его красные воспаленные от бессонницы глаза, Иван Петрович купился бы на бескорыстие вечно до упора занятого следака Северо-Восточной прокуратуры.

– Как дела? – осторожно спросил он.

– Нормально! – беспечно ответил Зосимов, разливая пиво. Затем сделал вид, что весь поглощен смакованием пенистого напитка, бархатного и резкого на вкус.

– Вернулся сотый раз под утро, и Томка не пустила на порог?

– Что ты?! У нас любовь... – ничуть не обиделся на гнусное предположение тот. – Да я еще дома не был.

– Понятно, – с видимым облегчением сказал Шмыга. – Вырвался на часок, чтобы глотнуть свежего воздуха...

– И пива, – поднял палец Толич.

– Ну, ты знаешь, у нас, капиталистов, время – деньги. Могу уделить тебе пять, максимум десять минут.

Шмыга наотрез отказывался интересоваться, как дела с подонком, которого они полтора месяца искали по двум административным округам. И Зосимов ничего не говорил. Похоже, что он действительно забежал на минутку. Шмыга не учел, что для этого Толичу пришлось пересечь пол-Москвы.

– Ну, спасибо за угощение, мне пора идти, – хлопнул гость себя по коленам, когда две пустые бутылки уместились под столом. Поднялся.

– Тебе спасибо! Ты ничего не хочешь сказать?

– Нет. А ты ничего не хочешь спросить?

– Нет.

– Ну, бывай.

Следователь по особо важным делам остановился перед выходом, потоптался. И будто вспомнил, что забыл узнать самое главное:

– Аньку проводил?

– Да, сегодня утром. На девятичасовом.

– Так я пошел?

– Иди уже, работай. Общество ждет над Ботаником суда скорого и справедливого, – рассмеялся Шмыга.

– Ну, теперь вряд ли дождется... – медленно сказал Зосимов, держась за дверную ручку и глядя в потолок.

– Не понял, – сказал Шмыга и откинулся на спинку кресла.

– Ушел наш Ботаник. Растаял, аки тень при полуденном солнце.

- Говори по-русски. Удавился что ли? Или опера перестарались?
– Нет, сбежал.

Снегирева въехала в пробку у кинотеатра «Россия», затем прозевала свой поворот, и попала на Дмитровское шоссе только в районе Савеловского вокзала. Поток машин двигался медленно, рывками, и было только одно средство избавиться от нервозности, связанной с такой ездой – представлять себе, будто вообще никуда не едешь, а, усталая, сидишь на диванчике с сигаретой в руках и смотришь один бесконечно длинный и скучный фильм. Ни сюжет, ни герои тебя не трогают, и можно тихонечко думать о своем.

На этот раз привычное средство не сработало. Виной тому визит к шарлатану, который с провинциальным нахрапом пытался всучить ей некий метод счастливой жизни, жизни без боли и страданий. Но разве так бывает? Мы не знаем, откуда пришли, мы не знаем, куда уйдем. И потому жизнь является редкой драгоценностью, как мерцающая жемчужина в хрупкой скорлупе, затерянная в темных глубинах океана. Под ней тысячи тон грязного ила, над ней стремительно проносятся огромные тени морских чудовищ... и в любой момент под безобразной клешней может расколоться раковина и сияние жемчуга – одинокой человеческой души, – навсегда исчезнет в ледяной бездне. Ученые давно выяснили, что наша Земля одинока во Вселенной и на миллионы световых лет вокруг нас простирается мертвое пространство. И жизнь на ней случайна...

Рядом рывкнул мощный сигнал, от которого Наташу подбросило на сидение. Из окна потрепанного «Зила» высунулся здоровенный мужик с красным оплывшим лицом.

- Ты, куда, коза лезешь? Жить надоело?

Отвечать каждому хаму она не собиралась. Пока доехала к дому, горло бы охрипло. Молча показала ему сжатый кулачок с вытянутым средним пальцем, и выровняла машину по своему ряду.

Впереди верх и вниз качался задок битком набитого троллейбуса. К стеклу прижалась девочка в желтой курточке и светлым бантом на макушке. Она задумчиво смотрела прямо на Снегиреву, но видеть ее, конечно, не могла. Рядом, возвышалась фигура грузного мужчины в оплывшем бесформенном пуловере с поднятым воротником. Он то и дело снимал с коротко стриженной седой головы очки и протирал пальцами стекла, надевал их, задевая локтем бант.

Наталья Сергеевна поймала себя на мысли, что кого-то этот неряшливый тип ей напоминает, но тут из первого ряда вклинился какой-то нахал на черной приземистой «волге», едва не зацепив борт ее любимца, выжала тормоза, сзади взревели сигналы... Но вскоре пробка рассосалась, поток поредел, сужаясь в одну стремительную ленту, словно горная река, стиснутая высокими скалами ущелья, набрал скорость, и тут же замер, остановленный неистово-красным циклопым глазом светофора.

Снегирева стукнула от досады кулачком по кожаному чехлу рулевого колеса, притормозив у самой полосы. Троллейбус успел проскочить перекресток, и стал весело удаляться, ныряя под мост, но ни один из пешеходов, скопившихся по обеим сторонам шоссе, не успел ступить на дорогу. О том, что «рога» троллейбуса соскочили, и описав низкий полукруг, распорили борт с бензобаком встречной «Газели», она узнала позже, из выпусков спецновостей. В тот момент лишь увидела клуб черного дыма, который воздушным шаром подлетел к мосту и, ударившись о пролет, растекся под ним тонким рваным облаком. Затем на мгновение просиял ослепительный оранжевый свет, и тяжкий грохот раскатился по шоссе.

Несчастная «Газель» вспыхнула разом, огромным факелом, стекла троллейбуса с левой стороны взорвались, потеряв управление, он съехал, накренившись, к обочине и ткнулся в опору моста.

Дальше начался ад, от которого Наталью Сергеевну отделяли всего несколько десятков метров. Двери «Газели», и так неудачной конструкции, заклинило намертво, и пассажиры сгорели в секунду – ни одного крика, ни одного стога не успело вырваться из раскаленной железной коробки. Но и из троллейбуса можно было выбраться только по одному, в щель между корпусом и бетонной облицовкой опоры. Когда усилиями десятков обезумевших пассажиров заднее стекло вылетело и рухнуло, крошась, на асфальт, из салона повалило серое удушливое облако дыма, из которого полезли, корчась и падая, обожженные задыхающиеся люди...

Снегирева еще какую-то долю секунды видела крохотный бантик, мечущийся в дыму, затем жарко дохнуло, и багровое с черными извивами пламя охватило троллейбус. Она инстинктивно пригнулась, лобовое стекло «Ситроена» лопнуло, точно радужный мыльный пузырь, автомобили, словно стадо обезумевших животных, беспорядочно сигналила, стучаясь друг о друга, подались назад и в стороны...

Но и к месту катастрофы побежали, наконец, очнувшиеся свидетели. Выскочив из покалеченной машины, Наталья Сергеевна, каждую секунду рискуя попасть под колеса, бросилась к гудящему пламени. Одна мысль стучала в пустой и безумно ясной голове: «Где моя девочка?»

Желтую курточку увидела под самым колесом, среди мертвых тел затоптанных насмерть людей. Ползком, обдирая колени об асфальт, подползла, ухватила за воротник и потащила в сторону. Успела! Шина лопнула и корпус сел на обод, распространяя вокруг себя жар, от которого мгновенно загорелась одежда мертвецов. Когда отбежала со своей драгоценной ношей на обочину, то рухнула на пожухлую осеннюю траву, поскольку ноги вдруг задрожали и отказались повиноваться.

Затем, целую вечность, как ей показалось, рыдала и трясла безжизненное тельце.

– Солнышко мое, ну, пожалуйста, очнись!

На мертвенно бледном лице девочки алела красная ссадина – под черной бровью, удивленно вздернутой вверх.

– Ну, вставай, миленькая, пожалуйста!

Не зная что делать, какие слова сказать, чтобы маленький человечек вновь открыл свои ясные глаза и увидел, что на земле бывают не только огонь и боль, положила ее животиком на колено, делала все инстинктивно, неосознанно, и стала растирать хрупкую спину. Внезапно послышался слабый кашель. Наталья Сергеевна склонилась к головке со спутанными светлыми волосами,

– Что? Что ты сказала, моя хорошая?

– Я к маме хочу, – прошептала еле слышно девочка и заплакала.

– Как вообще это могло произойти? – сидел убитый Шмыга. Несколько недель напряженной и бесплатной работы!

– Придурок у нас есть. Заместитель прокурора Демидов. Откуда-то с Урала по протекции назначили. Видите ли, захотел пообщаться, пока в СИЗО не увезли. Любопытный оказался, мать его. Привели к нему, в половине девятого, постороннего народу в приемной, как обычно – невпроворот. Завели в кабинет, пристегнули к трубе батареи отопления, опера вышли. Тут звонок от прокурора области. Демидов по старой партийной привычке вышел в комнату отдыха. Как же, секретный звонок, высшее начальство! То ли дуга наручников сомкнулась на манжете пуловера, то ли этот хмырь чем-то открыл их. Спокойно вышел, пробрался в толпе через приемную, – кто там разглядел, что его в браслетах привели! – скользнул мимо оперов и был таков. Прокуратура – общественное место, охраны нам не положено, это у вас, капиталистов, банда головорезов в вестибюле дежурит... Может, еще по пивку? Я мигом слетаю.

Иван Петрович довольно отчетливо представил себе, как это произошло. С советских времен прокуратуру и милицию старалась расположить в одном здании, где в подвале обычно располагались камеры изоляторов временного содержания. Именно там по инструкции полагалось проводить допросы арестованных, которых привозили на день из следственных изоляторов. Однако на практике инструкции нарушались сплошь и рядом. Две-три камеры ИВС не справлялись с потоком бандитов, убийц и грабителей, хлынувших в постперестроечное время. С раннего утра следователи прокуратуры, милицейские дознаватели выстраивались в очередь к одной камере, где разрешалось проводить работу со своим подследственным. Для кино остались кадры, где следователь спокойный и невозмутимый, с тонким психологическим подходом допрашивает убийцу и тот в конце-концов признается под тяжестью искусно и терпеливо выстроенной системы доказательств. Какой тут «психологический» подход, когда железная дверь с непереносимым скрипом и визгом то и дело приоткрывается и доносится робкий просящий голос коллеги: «Толян, ты на время смотри! Мне в психушку двоих везти, а ты засиделся!», а в подвальном коридоре гул и столпотворение! Тут, дай Бог, наскоро бумаги оформить и два-три вопроса задать. Поэтому правдами и неправдами прокурорские следы выключивали «своих» и сами в наручниках вели их в кабинеты, где начинали с ними спокойно и методично работать. Но прокуратура не режимный объект, а присутственное место, куда каждый гражданин может прийти со своей обидой. Поэтому ни постов, ни замков, ни межкоридорных решеток. И стоило Ботанику выйти из кабинета, как он из серийного убийцы превратился в обычное штатское лицо.

– Нет, – категорически сказал Шмыга. – Пиво пить не буду. Полдень рабочего дня. Ты знаешь, сколько стоит месячная аренда девяти квадратных метров на Большой Ордынской, где мы сидим?

– Не знаю, и знать не хочу, а то инфаркт заработаю. А ты не знаешь, где сейчас может находится Ботаник?

– Знаю.

Толич на миг оживился, фантастическая надежда блеснула в его утомленных глазах.

– В Москве. В столице нашей Родины. Он же не поедет к старой тетке в Балашово или к сожительнице на Автозавод.

– А ты откуда знаешь, что у него тетка в Балашово?

– Не знаю, сказал навскидку. Он, конечно, больной, но не настолько, чтобы прямо из прокуратуры поехать по родственникам. Сидит сейчас где-то, пьет водку и горько думает, сколько в мире нехороших, грубых и бесчувственных людей.

В своем нынешнем положении Зосимов готов был стерпеть любое хамство от своего старинного приятеля. И терпел.

– Иван, ты помог найти его в первый раз, сделай это во второй. Подумай, сколько этот зверь еще людей сожрет, прежде чем его изловят.

– Умоляю, не надо давить на мою гражданскую совесть. Я ее снял вместе с пионерским галстуком, – грубо ответил Иван Петрович. – Я потерял все лето, слоняясь по пыльной и скучной Москве в поисках этого жулика.

– Так уж все лето! С начала августа...

– Не получил ни цента...

– Ты сам говорил, что участие в розыске этих монстров обогащает методы твоего агентства, что для тебя это своего рода научная работа...

– Угу, обогатил. Завалил весь бизнес.

– Ну, хочешь мы тебя через МВД проведем, как агента? Получишь вознаграждение.

– И сколько? – презрительно спросил Шмыга.

– О, сейчас намного увеличили. Раз в месяц можно получать до двухсот рублей.

– С ума сойти, какие деньги! Целое состояние! Даже не знаю, что с ними буду делать.

– Ну, все-таки деньги, – откашлялся Зосимов. – Вдобавок можем дать корочку общественного помощника прокурора. Где-нибудь пригодится...

– Александр Анатольевич, ты пойми. Даже если ты предложишь мне десять тысяч долларов, все равно ничем не смогу помочь. Поведение непуганого Ботаника было естественным. Он, словно хищный зверь, обходил свою территорию по обычному маршруту и лакомился жертвами. Поэтому не составляло особого труда спрогнозировать место совершения очередного преступления следуя стандартным рекомендациям докторов из Сербского. В соответствии со спецификой моей работы, Ботаник являлся стационарным объектом, его энергетические характеристики неизменными. Как комета, появление которой легко угадать по гигантскому огненному хвосту и постоянной траектории движения. Где он сейчас, а, главное, насколько изменился после потрясения, вызванного задержанием, – кто может сказать?

– Ты! – с непоколебимой верой выпалил Толич.

Шмыга опешил.

– Я, конечно, люблю эту грубую, неприкрытую, лесть, брошенную прямо в глаза, но... вижу, зря распинаюсь. Поэтому скажу просто – нет. Для меня дело закрыто.

Зосимов встал, мрачный, словно ребенок, у которого сначала украли велосипед, а потом дяденька-милиционер сказал, что его никогда не найдут.

– Ты мне как-то сказал, что нельзя бегать от проблем – в конце концов они сами найдут тебя.

– Вот когда найдут, я подумаю, что с ними делать. Пока!

Откуда было знать Иван Петровичу, что найдут, и очень скоро, и такие проблемы, от которых ему небо с овчинку покажется!

Когда за приятелем захлопнулась дверь, он нервно встал, прошелся по кабинету.

В 1999 году в Нижневолжской городской прокуратуре расследовали дело так называемых сатанистов. Выпускник Саратовской юридической академии Шмыга тогда работал обычным следователем и ему пришлось проводить допросы второстепенных фигурантов. Несколько подростков под руководством врача-дантиста девятого сентября зверски убили сверстника, изобразив ритуал приношения человеческой жертвы Сатане. Подробности этого нашумевшего дела не столь важны, как его неожиданные последствия: заболели все сотрудники, имевшие отношения к следствию. Прокурор города на полгода слег с тяжелой инфекцией почек, прокурор по надзору за следствием попал в больницу с общим заражением крови, сам следователь по особо важным делам, который вел дело, скончался внезапно от остановки сердца у себя в кабинете, – и все это до того, как обвинительное заключение направили в областной суд!

Не веривший ни в Бога, ни в черта, Иван Петрович тихонько посмеивался, когда в ветхое здание «слуг государевых» привели священника и тот долго расхаживал по темным коридорам, размахивая паникадилом и торжественным голосом распевая молитвы. Но если заболевания прокурорских и внезапная смерть следователя – молодого, на вид здорового человека могли объясняться вполне земными грубыми причинами, то в самом деле находился факт, который смутил многих. Один из обвиняемых, семнадцатилетний Игорь Пахомов, поверив в бредни, которыми была напичкана лотковая литература новоявленных служителей сатанинского культа, очень настойчиво пытался выйти, с его слов, «на контакт с демоном по имени Саргатанас». Юноша заперся в ванной комнате, зажег свечу, взял чистый лист бумаги и принялся читать заклинания. Внезапно раздался оглушительный удар, лампочка под потолком разлетелась вдребезги, свеча погасла; в кромешной тьме он выполз, оглушенный, из ванной, а когда пришел в себя, то увидел, что на листке бумаге, который он все еще крепко держал в руке, пламя выжгло имя вызываемого демона.

Разумеется, это был тщательно продуманный «рассказ» обвиняемого, который по мнению следствия косил под невиняемого – ничего удивительного, каждый, как может, защищает себя. В прокуратуре слышали истории и похлеще. Но бумага со странным именем Саргатанас, действительно, как подтвердили эксперты, искусно выжженного огнем, в деле присутствовала, каждый из атеистов мог ее увидеть и даже потрогать. В суде она послужила вещественным доказательством причастности подсудимого к секте нижеволжских сатанистов.

С той поры минуло несколько лет, с прямым вторжением нечеловеческого в земную жизнь Иван Петрович не сталкивался. К счастью. В розыске Ботаника его роль ограничивалась советами, рекомендациями, он никогда не находился на острие атаки, всегда рядом, в хорошей, надежно прикрытой позиции – сбоку и чуть позади. Первый сбой произошел вчера, когда он пошел на прямой контакт с АК при изобличении Стешенко. Реакция последовала незамедлительная и жесткая – нападение ночного хулигана. Остается надеяться, что этим инцидентом конфликт с АК исчерпан. И нет никакой нужды лезть на рожон. Пусть теперь им занимаются специально обученные натасканные спецы, которым платят вполне сносную для нашего времени зарплату.

Прозвенел телефон.

– Агентство по предотвращению несчастных случаев, – бодро произнес в трубку Шмыга, затаив дыхание. Неужто клиент?

– Иван Петрович Шмыга?

– Да, – ответил детектив. И насторожился – свою фамилию в рекламных газетах он не публиковал.

– Я бы хотел поговорить с вами по поводу моей невесты – Натальи Снегиревой. По ее просьбе.

– А что случилось?

«Наверное, тот самый человек, о судьбе которого она хотела посоветоваться».

– Сегодня утром она попала в автокатастрофу на Дмитровском шоссе...

Глава пятая. Настоящий полковник

Из газет, из выпусков теленовостей Иван Петрович достаточно ясно представлял картину происшедшей трагедии на Дмитровском шоссе, куда влетела на своем «Ситроене» строптивая дамочка, так жестко высмеявшая его. Она вполне могла избежать этой, мягко сказать, неприятности, если бы прислушалась к его совету. Хорошо, что жива осталась. Его совесть чиста – рекомендацию он выдал, причем совершенно бесплатно. А уж как она отнеслась к его словам...

В середине XIX века в Оптиной пустыни стяжал себе славу провидца старец Амвросий, духовный наставник для тысяч и тысяч православных. На своих советах старец не настаивал. Предупредит пару раз, а в третий просто пожмет плечами и добавит: «А впрочем, поступайте, как знаете»

Пришел как-то к нему мужик. Молодой, красивый, косая сажень в плечах. Благословите, батюшка, жениться хочу. Тот усмехнулся, глянул на него прозорливо и ответил, нет тебе моего благословения. И отвернулся от него. Второй раз пришел мужик. Маменька, говорит, настаивает. Ругается, осень на носу, работы по хозяйству много, жена нужна. Во второй раз отказал старец, а в третий, когда мужик уже плача, стоял перед ним на коленях, молвил ему: «Нельзя тебе жениться, голубь». Вдохнул горько, и добавил свое знаменитое: «Поступай, как знаешь»

Умер мужик. Спустя всего лишь месяц после свадьбы. И не мог старец насильственно воспротивиться этому. Ибо свободу выбора ни на том свете, ни на этом никто не отменял.

После пережитого нервного потрясения Наталья Сергеевна из квартиры выходить наотрез отказывалась, поэтому спустя два дня Шмыге пришлось отправиться к ней самому. За массивной грядой сталинских домов на проспекте Мира без труда отыскал чистенькую улочку и, пройдя мимо весело окрашенных скамеек, на которых сидел народ, преимущественно пенсионного возраста, вошел в квартал желтых кирпичных высоток, выстроенных уже в эпоху первоначального накопления капитала. Дома с крепкими подъездными дверьми, чисто разбитыми скверами, прекрасно асфальтированными подъездными дорогами. Во дворах намного чище, чем Шмыга привык видеть в городских застройках советских времен. Здесь даже после обеда дворники бродили по газонам и собирали мусор в черные полиэтиленовые мешки.

Во всяком случае, одного такого трудягу Шмыга увидел сидящим с метлой на лавке перед подъездной аркой, куда как раз собирался войти, разглядев, наконец, искомый номер на торце дома. Дворник сидел, одетый в синий форменный халат поверх новенького черного ватника, каковые обычно носят заключенные ИТК, утомленный, покойно положив руки на колени.

Детектив уделил бы ему столько внимания, сколько уделил любому предмету окружающего пейзажа, если бы не мерзкая деталь, которая сразу бросалась в глаза. Бугристое скуластое лицо пожилого мужчины было сплошь заклеено кусками старого медицинского пластыря. Они словно въелись в кожу и делали лицо похожим на грязную, набухшую от влаги грубо изготовленную картонную маску. Старая потрепанная лыжная шапочка надета по самые кустистые седые брови, веки прикрыты, и сам дворник походил на актера из фильма ужасов, прикорнувшим в гриме во время перерыва в съемочном павильоне.

«Вот не повезло мужику!» – вздрогнул Иван Петрович. Он вспомнил знакомого плотника, который всерьез увлекался ведантой. Как-то раз ему рассказали о человеке, который страдал множеством тяжелейших заболеваний. Плотник прослушал весь длинный список,

по-христиански перекрестился и воскликнул: «Это же сколько преступлений надо было совершить в прошлой жизни, чтобы в этой так болеть!»

Судя по внешнему виду, дворник в прошлой жизни работал надзирателем в Освенциме. Иван Петрович потупил взор, ускорил шаг, как делает обычно здоровый нормальный человек, проходя мимо калеки, как внезапно веки уроды дрогнули, он внятно и членораздельно произнес:

– Убью, мент поганый...

– Простите, вы мне? – приостановился детектив.

– Брал, не брал... мое. Нет таких законов, чтобы волосья рвать.

Дворник посмотрел прямо на него слезящимися мутно-красными глазами, и уронил голову на грудь. Бедолага был мертвецки пьян.

Шмыга постоял немного и присел рядом, несмотря на запашок, исходивший от сотрудника коммунальной службы. Тот, кто на самом деле, привел своей нечеловеческой мощью омертвевшие от алкоголя голосовые связки пожилого уроды, находился поблизости. Где? Десятый час утра, солнце не по-осеннему щедро поливало жаром из-за высоких крыш, по тротуару шли люди, звенели на детской площадке голоса малышни, из открытых окон несло громохание складываемой в мойку посуды... картины и звуки настолько привычно мирные, что проявиться всплеску отрицательной энергии, на первый взгляд, просто негде. Если три дня назад пьяный в матину здоровенный бугай пытался затоптать его на пустыре, то обессиленный дворник находился в глубокой отключке, лишь тоненький свист исходил из глубины его мясистых ноздрей.

Что ж, надо подождать. Детектив спокойно откинулся на спинку лавки, развернул свежий выпуск «Московского комсомольца» и углубился в чтение.

Однажды, в прокурорскую бытность, ему расписали дело Николая Силаева, 1983 года рождения. Мальчик, бросив школу, развлекался тем, что по вечерам убивал подвыпивших прохожих. К моменту, когда его задержали «убойщики», на счету рослого угрюмого подростка с еле внятной речью и опухшим от постоянного пьянства невыразительным лицом было три жертвы. На следствии признался еще в двух убийствах. Один эпизод запомнился Шмыге особо. Тридцатидвухлетний инженер Нижневолжского автомобильного завода вернулся от своей девушки часам к одиннадцати вечера. Жил в двухкомнатной квартире с отцом-инвалидом, за которым терпеливо и добросовестно ухаживал. В тот вечер сказал, что они с подругой наконец решили узаконить отношения. Они проговорили до половины первого, затем отец лег спать, а сын решил сходить за бутылкой пива в ночной киоск, что располагался неподалеку от дома. Вышел в 0.25, с собой взял десять рублей. В 0.10 Чернецов покинул кафе «Гвоздика», где пробыл около двух часов с неустановленными лицами, и вышел на охоту. К киоску он подошел в 0.27, как раз в тот момент, когда инженер расплатился за пиво и направился к дому через небольшой палисадник. Чернецов догнал несчастного и «нанес потерпевшему тяжкие телесные повреждения, от которых тот скончался на месте».

Хронологию совершения преступления Шмыга установил по минутам, благо отец запомнил по большим электронным часам время, когда вышел сын; запомнила стеснительного и чистенько одетого покупателя продавец, которую в 0.30 должна была сменить напарница. Засекла время и бдительная бабулька, вызвавшая дежурный наряд милиции, когда услышала у себя под окном шум драки и увидела, как подросток топтал несчастного коваными армейскими ботинками.

Две минуты, сто двадцать секунд, решили судьбу мирного, безобидного, глубоко порядочного человека, на похороны которого собралось огромное число людей. Выйди из дома на две минуты раньше, он бы успел уйти от киоска незамеченным убийцей. Выйди двумя минутами позже, он бы не застал Чернецова, который шел мимо и направлялся, по его

собственному признанию, к минимаркетам у станции метро «Автозаводская», где выпивох в этот час всегда много, да и рядом густолиственный простирался на два километра старый парк, в котором нашли смерть трое из пяти его жертв.

Сто двадцать секунд плюс, сто двадцать секунд минус – и хороший человек остался бы жить. Во многих других драматических происшествиях минуты и секунды играли подчас решающую роль в определении человеческой судьбы. Поэтому Иван Петрович не спеша перелистывал газетные полосы. Десять минут, даже полчаса никак не повлияли бы на предстоящую встречу с будущим клиентом. На московских курсах детективов НС им крепко вбили в голову простенький совет – если нет необходимости предпринимать срочные действия, то не спешите, ни в коем случае не делайте резких торопливых движений! Подождите, дайте ситуации проявиться. Пусть она перейдет из скрытой фазы в активную, наблюдаемую. И тогда поступайте по ясно видимым обстоятельствам. Проще говоря, не надо гоняться за черной кошкой в темной комнате. Подождите, когда включат свет, или когда кошка, оголодав, выйдет из темной комнаты сама. А уж потом, делайте с ней, что хотите.

Иван Петрович читал десять минут. Пятнадцать. Двадцать. Черная кошка из комнаты не вышла. Значит, он что-то не понял. Дворник просто бредил. И такое могло быть. Поднялся, бросил на храпящее чудовище сострадательный взгляд, и прошел спокойно через арку. Искомый подъезд был в конце дома, проходным.

Он вошел не со двора, а с внешней стороны, иначе бы сразу понял, что черная кошка все-таки была там, где ей полагалось. Когда Шмыга поднялся на площадку, коснулся кнопки лифта, дверца с лязгом распахнулась, и... спиной к нему вышел мужчина, высоко держа над собой фотокамеру. Белая молния осветила подъезд. Иван Петрович моргнув от неожиданности, посторонился.

– Еще разочек, – донесся до него знакомый голос. Опять белый неестественный свет разорвал полутьму подъезда, и вслед за фотографом из кабины, тоже спиной попятился высокий светловолосый молодой человек с пачкой исписанных бумаг. – Достаточно.

На полу лифтовой кабины сидел забрызганный кровью мужчина с разрубленным напополам лицом. Он сидел в красной тошнотворно пахнущей луже, прижав к груди холщовую сумку, из которой выглядывал румяный кончик турецкого батона, и молчал.

– Гражданин, вы как сюда прошли? – сурово начал молодой человек. – Иван? – вытаращился он. – Ты что здесь делаешь?

– Привет, Толич, – невозмутимо ответил Шмыга, колени которого дрогнули и неприятный холодок пополз к сердцу. – Наблюдаю за работой столичного следствия.

Зосимов с растущим подозрением смотрел на его..

– Ты мне в Нижневолжске надоел: как труп, так ты обязательно оказываешься рядом.

– Кто его?

– Придурок из 459. Допился до белой горячки. Показалось, что черт в лифту катается. Схватил топор и на лестничную площадку. А тут его квартирант из магазина. Представляешь, двери открываются и топор навстречу летит. Но ты как здесь оказался?

– Толич, ты не поверишь, совершенно случайно...

– Нет, не поверю. В Москве шесть миллионов жителей, в десяти округах за день происходят два-три умышленных убийства... а я на выездах бываю раз в две недели.

Но Иван Петрович смотрел на друга так простодушно, невинно хлопая ресницами, что Зосимов озадаченно хмыкнул:

– И куда ты совершенно случайно направляешься?

– В гости.

– Не к той ли светской леди, с которой ты так мило отдыхал в Останкино?

– Угадал. Но ты не думай... – заторопился Шмыга, чувствуя, что начинает краснеть.

– Ничего плохого я не думаю, – пожал плечами приятель. – Жена в Нижневолжске, ты – здоровый цветущий мужчина в рассвете лет...

– Это чисто деловая встреча!

– Вот это меня как раз и беспокоит, – проговорил Зосимов и взгляд его стал еще подозрительнее. – Ты мне не хочешь что-нибудь рассказать?

– Нет.

В подъезд в сопровождении сержанта ППС вошли два мужичка с носилками.

– Забирать? – спросил один из них.

– Лучше бы ты к любовнице спешил, – протянул следователь, сомневаясь в искренности друга. – Ладно, потом договорим. Забирайте!

И побежал вверх по лестнице.

– Александр Анатольевич, проводи через оцепление, мне нужно в 460! – бегом бросился за ним детектив.

Но еще полчаса пришлось подождать, пока убийцу, который с окровавленным топором закрылся в ванной, вытаскивали, вернее, выкуривали слезоточивым газом сотрудники ОМОНа. Стукнули его по голове довольно сильно, из квартиры пришлось выволакивать в бессознательном состоянии, и на лестничных ступеньках остались две узенькие кровавые дорожки от носков его ботинок.

Квартира Натальи Снегиревой впечатляла. Прихожая, в которой можно кругами кататься на велосипеде, просторный зал, уставленный дорогой мебелью из красного дерева. Влево от прихожей огромный коридор вел в кухонную комнату размером с небольшой банкетный зал элитного ресторанчика. Светло, солнечно, тяжелые портьеры густого малинового цвета собраны по краям евроокон; двойные стеклопакеты не пропускали уличного шума; в квартире тихо и покойно, как в загородном дворце. Не удивительно, что Снегирева не слышала, какие бурные события разыгрались на ее лестничной площадке. Во всяком случае, впусив гостя, она не поинтересовалась, почему за его спиной оказалось столько народу в милицейской форме.

– Проходите, пожалуйста.

– Мило, – сказал Иван Петрович, оглядевшись и ощутив острый укол зависти. – В следующей жизни я попрошу Владык кармы, что бы мне тоже подыскали обеспеченных родителей.

– Квартиру заработал муж, – сухо сказала хозяйка. Она была в строгом черном костюме, словно приготовилась к важной деловой встрече. – Чай, кофе?

– Спасибо, немного позже. Ваш...

– Друг.

– Ваш друг мне рассказал, что вы попали в довольно неприятную историю, – проговорил Иван Петрович, присаживаясь на узкий твердый диван в гостиной. Снегирева осталась стоять у овального стола, на котором рдели темно-алые бархатные розы в керамическом кувшине с длинным узким горлышком.

– Скажите, только откровенно, как вы узнали о том, что со мной произойдет? Это вам дано свыше, вы ясновидящий или просто предчувствие? Что я говорю! – оборвала она себя. Вытянула из пачки тонкую длинную сигарету, прикурила, бросила плоскую зажигалку на стол. – Это ведь могло оказаться простым совпадением...

Иван Петрович молчал.

– Одно поняла. Несмотря на бред, какой вы несли при нашей первой встрече...

– При второй. В первый раз вы меня слушали спокойно и внимательно.

– ... вы каким-то образом можете предвидеть будущие катастрофы.

Шмыга вздохнул. Он знал, что если начнет представляться клиентам поволжским ясно-видцем, тувинским шаманом, двухсотым воплощением Будды, то ему поверят сразу и безоговорочно в любую чушь, которую он начнет плести. В реальность поверить гораздо труднее.

– Ведь так?

– Я вас, Наталья Сергеевна, разочарую. Я не переживал клинической смерти, после которой у выживших обычно открываются паранормальные способности, не падал с большой высоты... нет вру, в детстве как-то навернулся с качелей, но, уверяю вас, кроме шишки ничего не приобрел; не ездил в Тибет, не телепат, не экстрасенс и не ясновидец. После нескольких лет работы следователем прокуратуры закончил в Москве курсы детективов при Российском агентстве, которое специализировалось на предотвращении несчастных случаев. И вот уже несколько лет занимаюсь своей работой.

– Но ваши методы...

– Я зря стал рассказывать вам о методике своей работы. Надо говорить либо все, что я знаю, либо ничего, ибо отрывки действительно могут вызвать разные, скажем, вопросы... Но с другой стороны, например, я тоже до сих пор не понимаю, как можно из темной вонючей жидкости, которую по большим грязным трубам гонят из Сибири в Европу, можно сделать такую чудесную блузку, которая облегает вашу изящную фигуру.

Снегирева глянула на него с недоумением, затем перевела взгляд на свою грудь, и растерянно воскликнула:

– Я еще в первую нашу встречу заметила, что вы – льстец!

– Расскажите, что же все-таки с вами произошло, – попросил детектив. – Только очень подробно, начиная с того момента, когда выехали с Большой Ордынской.

Наталья Сергеевна посмотрела на него с внезапно вспыхнувшей неприязнью, даже с некоторой враждебностью, как больной на хирурга перед мучительной перевязкой. Но все же рассказала и с большим хладнокровием, без единой слезинки в блестящих глазах.

– Никогда не забуду, как эта девочка лежала обмякшая в моих руках, и я думала, что она больше никогда... извините. Я просто не хочу это пережить во второй раз, понимаете?

– Что ж тут не понять, – спокойно отозвался Иван Петрович, кладя на колени папку и доставая оттуда чистый лист бумаги, – никому не нравится смотреть, как сгорают заживо люди. Теперь расскажите мне немного о себе.

– Это еще зачем?

– Тогда я пойму, стоит ли мне заняться вашими проблемами. Пожар на Дмитровке мог быть простой случайностью, как вы говорите – «совпадением», в вашей биографии. И тогда вы нальете мне кофе, мы немного поговорим о погоде и расстанемся. Но если – нет, то ваш страх попасть еще раз в подобную ситуацию оправдан, и мы с вами начнем работать, чтобы она никогда больше не повторилась.

Наталья Сергеевна, наконец, соизволила присесть, но в значительном отдалении, на одно из кресел с высокой прямой спинкой, стоящих у окна. Иван Петрович заметил, что она несколько раз бросила быстрый настороженный взгляд в сторону спальни.

«Я не спросил, с кем она проживает, – подумал детектив. – Впрочем, мне какое дело! Я здесь строго по работе». И внушительно приказал себе: «И отведи, пожалуйста, взгляд от пары изумительно хороших ножек. Отвлекаешься. Дома у тебя есть ножки не хуже».

Снегирева неохотно, иногда останавливаясь, начала рассказывать о себе с таким видом, будто Шмыга вынудил ее это делать под пистолетом. После окончания Московского педагогического института вышла замуж за сорокалетнего дипломата, работавшего советником посольства России в Канаде. Спустя два года овдовела. Покойный оставил в наследство трехкомнатную квартиру на Королева, приличный счет в банке. Три года жила «в свое удовольствие». Затем наскучило, пыталась заняться бизнесом, открыла дамскую парикмахерскую,

но ничего не разумея в коммерции, завалила дела, и оставила эту затею. Работала в крупном агентстве по недвижимости, дистрибьютором нескольких западных журналов – по нашему, распространяла по друзьям и знакомым. И это занятие ей надоело, и только «чтобы совсем не сойти с ума от безделья» в настоящее время занималась переводами для нескольких женских изданий.

– Прекрасная жизнь! – воскликнул Иван Петрович, хотя так не думал. – Многие могли бы вам позавидовать – не надо напрягаться в поисках хлеба насущного. Что же вас не устраивает?

– Завидовать особо нечему, – сказала Наталья Сергеевна, и горечь тронула уголок ее крепко сжатых губ. – Ни мужа, ни детей, ни профессии...

– Ну, это дело наживное, – легко воскликнул детектив.

– Вы думаете?

– Для такой красивой женщины, как вы, – поправился он.

Она поморщилась от столь прямого комплимента.

– Опять вы за свое.

– Не буду. Продолжайте.

– Перейду к главному, из-за чего, собственно, я к вам хотела обратиться за помощью, когда прочитала в вашей визитной карточке, что вы специализируетесь на несчастных случаях. В моей жизни есть человек, который мне дорог. Он любит меня. Мы дружим почти два года. Он настаивает на браке... но я боюсь. Мне кажется, что стоит нам пожениться, я его потеряю... Понимаю, глупый страх, но ничего не могу поделать с ним.

– Извините, что спрашиваю, при каких обстоятельствах погиб ваш супруг?

– Глупая нелепая смерть. Приехал на дачу в Завидово. Бросил кипятильник в пластиковый стаканчик, чтобы подогреть воду для бритвы. И... Врачи сказали, что сила тока была небольшой, но сердце не выдержало.

– Мне очень жаль.

– Я пережила. Мы не были столь близки, чтобы я на всю жизнь решила остаться вдовой. Она перевела дыхание.

– Вот, пожалуй, и все.

– Не все, моя милая, – сказал невысокий толстый человечек в роскошном халате, выкапываясь из спальни. – Извините, я только что проснулся и нечаянно услышал несколько слов из вашей беседы. Ты забыла добавить, что со вчерашнего дня мы решили с тобой не разлучаться и вместе преодолеть те трудности, которые могут выпасть на нашу долю.

«Еще один член в неизвестном уравнении», – с неудовольствием подумал Шмыга.

– Игорь Васильевич, – представился жених начальственным баском. – А вы тот самый экстрасенс, который хотел спасти мою лапусеньку?

– Иван Петрович, – Детектив приподнялся и с пренебрежением пожал пухлую ладошку. Однако рукопожатие было сильным, волевым; Шмыге даже показалось, что его пальцы попали в щель между дверью и косяком. – Только я к экстрасенсам не имею никакого отношения.

– Гоша... Игорь служит полковником на Большой Бронной...

– Лапусенька, полковник – это звание, а служу я в ведомстве, о котором мало кто из приличных людей знает. Сейчас оно относится к министерству юстиции. Занимаюсь, так сказать, воспитанием заблудших душ.

На Большой Бронной располагалось лишь одно здание, в котором с утра до вечера воспитывали заблудшие души – главное управление исполнения наказаний Министерства юстиции. И «воспитатели» были люди серьезные, влиятельные и весьма богатые. Шмыга об этом знал. Наверное, к приличным людям он не относился.

– Не буду вам мешать. Сделаю кофе. Вы какой предпочитаете?

– Просто кофе, – пожал плечами детектив. – Одну ложку сахара.

Полковник вышел, подвязывая поясок халата.

– Итак, подытожим, – встал Иван Петрович и прошелся по гостиной. Выглянул в окно. Машины разъехались, осталась одна милицейская «Волга». – Вы опасаетесь за свою жизнь, вы боитесь за жизнь своего возлюбленного – детектив искоса взглянул на Снегиреву, однако та не шелохнулась, – поэтому на первом этапе моя задача разобраться, обоснованы ли ваши страхи. Я берусь за ваше дело. Подписываем договор, вносите аванс и начинаем работать.

– Как это... работать? – спросила она и снова потянулась за сигаретой.

– Я спрашиваю, вы отвечаете с максимальной искренностью; я говорю, что вам надо делать, вы исполняете.

– Смело. А вдруг вы потребуете от меня... ну, скажем, сделать не совсем приличные вещи, – в ее темных глазах сверкнули озорные искры. – И вообще, мне не нравится такой подход, – решительно заявила она.

– Ну, да, вы женщина волевая, самостоятельная, как я успел заметить. Привыкли все контролировать, а тут вдруг надо отдаться на волю незнакомого вам человека, которого в глубине души вы продолжаете считать шарлатаном. Я не собираюсь вас ни в чем убеждать. Но только на таких условиях я могу гарантировать безопасность вашей жизни.

– И какое будет ваше первое приказание, о мой повелитель? – иронически спросила она, хотя было видно, что решение она приняла.

– Вам надо расстаться с Игорем Васильевичем.

– Что?! – от изумления она, кажется, потеряла дар речи, ее хорошенький рот приоткрылся, а глаза округлились настолько, что она стала походить на совушку. Милую, симпатичную, встрепанную совушку.

– Вы не ослышались. Воздержитесь, пожалуйста, от контактов с вашим женихом... – и, наслаждаясь впечатлением, добавил: – На время моего расследования.

– И как долго вы будете... расследовать? – выговорила, наконец, она.

– Не знаю, как пойдет, – равнодушно сказал детектив и вынул из папки бланк договора.

– Но это невозможно! – понизив голос, воскликнула она. – Гоша всегда рядом, всегда сможет меня защитить. Вы не представляете, какая за ним сила!

– Защитить? – удивленно переспросил Иван Петрович. – Вряд ли ему под силу, – и с сомнением покачал головой, – переместиться из своего кресла в кабинете на Большой Бронной на Дмитровское шоссе и подхватить троллейбусную рогатину в тот момент, когда она слетела... Нет, не думаю. Да и сегодня, ваш жених сладко спал, когда в нескольких метрах от него разрубили топором голову совершенно невинному человеку.

– Что?!

– Разве вы не обратили внимание на толпу милицейских на лестничной площадке, когда открывали мне дверь?

Вошел Гоша с мельхиоровым подносом в руках. Он умел превосходно сервировать – три крохотные чашечки с кофе, взбитые сливки, масло, нарезанное толстыми желтыми кругляшками, бутерброды с ветчиной, украшенные зелеными веточками петрушки. Но поставил не на обеденный стол, а на тумбу у входа.

– Лапусик, у соседей, кажется, что-то случилось. Пришел участковый, хочет с тобой поговорить, – озабоченно проговорил он.

Глава шестая. Случайная помолвка

Толстая рыжеволосая женщина с отеками ногами сидела в тени навеса маленького торгового павильона на тюках упакованного в целлофан постельного белья и проворно пересчитывала мятые десятки. Затем ловким движением перетягивала их тонкой резинкой, и прятала в широкий поясной кошель.

За прилавком стояла миловидная девушка в обтягивающем джинсовом костюме с быстрыми глазами, которые никогда прямо не смотрели на покупателя, а, шмыгнув по лицу, норовили уйти в сторону и вниз.

– Мужчина, вам помочь? Бязь, хлопок, ситец... лучший подарок любимой женщине. Все наше, отечественное, – заученно повторяла она. – Что вас интересует? Носки белорусские, стопроцентный хлопок, вот носки, с добавлением вискозы. Эти по двадцать пять, эти по сорок... могу уступить, но немного...

Иван Петрович прижимаясь к шаткому прилавку – народ валил узким проходом, толкотня была невыносимой, да еще сентябрьское небо над Митино пылало нещадным июльским жаром, несло запахом перегоревшего масла от чадивших узбекских жаровен с шаурмой, пирожками, курицами гриль... – все-таки нашел в себе силы пошутить:

– Меня интересуют такие носки, которые самоликвидировались бы при загрязнении.

– Как это? – сбилась миленькая продавщица.

– Сбросил с ноги, а они пшик – и в легкий дым обратились. Любимой женщине – настоящий подарок. Не придется их из всех углов выметать и нести в ванную, как дохлую мышь за хвост.

Девушка посмотрела на него и детектив увидел, что глаза у нее очень даже симпатичные – синие, яркие, точно первые васильки.

Толстуха за ее спиной пробасила:

– Слушай больше. Придуркам дома не с кем поговорить, вот они на рынок прут. Не обращай внимания!

– Точно не с кем, – охотно согласился Шмыга, – поэтому ищу Тамару Петровну Казанцеву. Поболтать с ней охота.

– Я – Тамара. Тебе чего? – приподнялась хозяйка. На рябоватом лице ее, скуластом, решительном, только точеный носик, чуточку вздернутый кверху, выдавал сходство с дочерью. Во всем остальном ни намека, что гордая московская аристократка на личном «Ситроене» чем-то была похожа на крутую торговку с Митинского рынка. Но почему он решил, что Снегирева ведет свой род от Рюриковичей? Ох уж это провинциальное воображение, которое в каждом москвиче или петербуржце видит отпрыска старинных княжских родов!

Баба смотрела на него с насмешкой, и Шмыга подумал, что откровенного разговора не выйдет. Но тем не менее информация необходима сегодня, сейчас. Он оставил Наталью Сергеевну запертой на все замки, положив ключи от ее квартиры себе в карман. Но эти меры, принятые скорее всего из-за полного непонимания происходящего, не исключали возможность внезапного нападения на клиента. Мог взорваться бытовой газ этажом выше или этажом ниже, мог лопнуть телевизионный кинескоп совершенно безопасной конструкции, а ванная оказаться под напряжением именно тогда, когда она решит принять душ...

Брать на испуг базарную торговку, челночницу, не имело смысла. Она такого повидала в своей жизни, проталкиваясь с сумками через несколько границ, отбиваясь и от ментов, и от бандитов. Детектив пожалел, что отказался от корочки общественного помощника прокурора, которую предлагал ему Толич.

Пришлось решиться на неожиданный ход.

– Здравствуйте, мама! – стеснительно и с подкупающей улыбкой сказал он.

– Сыночек объявился! – жизнерадостно захохотала толстуха. – Иди, родной, я по будням не подаю. Еще прилично одет...

– Мы с Наташей подали заявление в ЗАГС.

Еще немного, и он бы стал носком ботинка чертить по пыльной земли от наигранного волнения, ибо мгновенно вжился в роль.

– Меня зовут Иван.

Тамара Петровна присела, запястьем оттерла пот со лба.

– Неужто передумала? Есть у ней жених, знаю только не Ваней, Игорем его зовут.

– Вы можете сами поговорить с Наташей. Игорь Васильевич был просто другом, другом и остался. Она не могла вам раньше сказать, поскольку мы проходили трудный и сложный период отношений...

Иван Петрович добросовестно пересказал пару мелодраматических историй, почерпнутых из популярного среди населения телешоу «Окна». Поверила или нет Тамара Петровна, но вскоре они сидели в небольшом кафе, и он угощал будущую «тещу» холодным испанским вином под простой салатик из крабовых палочек. Сам не ел, к стакану прикасался редко, был почтителен и скромн.

Теща налегала с аппетитом и на то, и на другое, и даже попросила принести горшочек с жарким.

– Люблю халяву. Обычно сама за все платишь, – призналась она, оттирая жирные пальцы пачкой салфеток. Если бы она знала, что зятек тратит сейчас аванс, полученный от ее дочери на текущие расходы!

Помимо советов, как устроить жизнь молодым супругам, в которых красной нитью проходила мысль «Чтобы не пил, не бил, не изменял», Иван Петрович получил множество замечательных сведений о младенчестве и раннем детстве своей клиентки. В десять месяцев Ната стала на ножки, первое слово она сказала «плятт»...

– Я женщина не без греха, иной раз доведешь меня, так и вырвется – «блядь». Вот она тоже – «плятт» и «плятт». Читать выучилась к шести годам, читала все, что на глаза попадется. Училась – весь класс завидовал. Большое будущее обещали. Классная руководительница, помню, так и говорила: «Кому, кому, а тебе, Казанцева, ничего не прошу, на медаль идешь».

– Горя не знала, – внушительно сказала Тамара Петровна. – Золотой ребенок.

Золотой ребенок исчез из ее поля зрения в шестнадцать лет, когда она развелась с мужем, и тот оставил дочь себе.

– Паразит. Другого слова не подберу – паразит. В НИИ приборостроения работал. Тянул на докторскую. Мне говорил – Тома, мы должны напрячь все силы для нашего счастливого будущего. Ага, напрягли. Я схватила сумки и за джинсами в Польшу. Он тоже напрягался. Все больше в ресторане «Якорь» на Тверской, или в кафе «Маргарита» на второй Брестской улице.

Пока ничего в рассказе не насторожило детектива. Разводы опасны для детей, не достигших двенадцати лет. И дело не в том, что ребенок в это время составляет с мамой единое биоэнергетическое целое, а распад семьи разрушает, калечит хрупкую детскую энергетику, закладывает основы для болезней, конфликтов и так далее. Страшно другое, не развиденное Шмыгой на практике, – когда в результате развода происходит искривление уже сложенной тонкой ниточки судьбы, которая протянулась в будущее на многие годы, пересекаясь и переплетаясь с другими человеческими судьбами. Будущее смутно и неясно, и во многом определяется самим индивидуумом. Но не во всем. Есть предопределенные встречи, построены или строятся дома, где будут ждать пока еще маленького человечка, растут девочки, которые родят ему детей, растут мальчики, которые станут ему верными друзьями и сподвижниками...

Но в семье скандал за скандалом, все чаще не бывает дома отец, все чаще мать раздражена, груба, и по ночам сидит одна на кухне и сбрасывает пепел от сигареты в пустую рюмку. Ниточка напрягается, дрожит, как натянутая струна... и рвется. Человечек теперь не пойдет в школу, что должен окончить, ибо мать увезет его в другой город; не поступит в институт, ибо скудных алиментов хватит лишь на прожиточный минимум... Напрасно где-то будет ждать девушка своего суженного, Небом обещанного, ради которого и родилась на этой Земле. Останется ненаписанной книга, и не родится открытие, пусть небольшое, но так необходимое... И небесный портной, увидев на гладкой ткани человеческого бытия маленькую шеварушку от разорванной нити, подцепит ее острым ногтем и выдернет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.